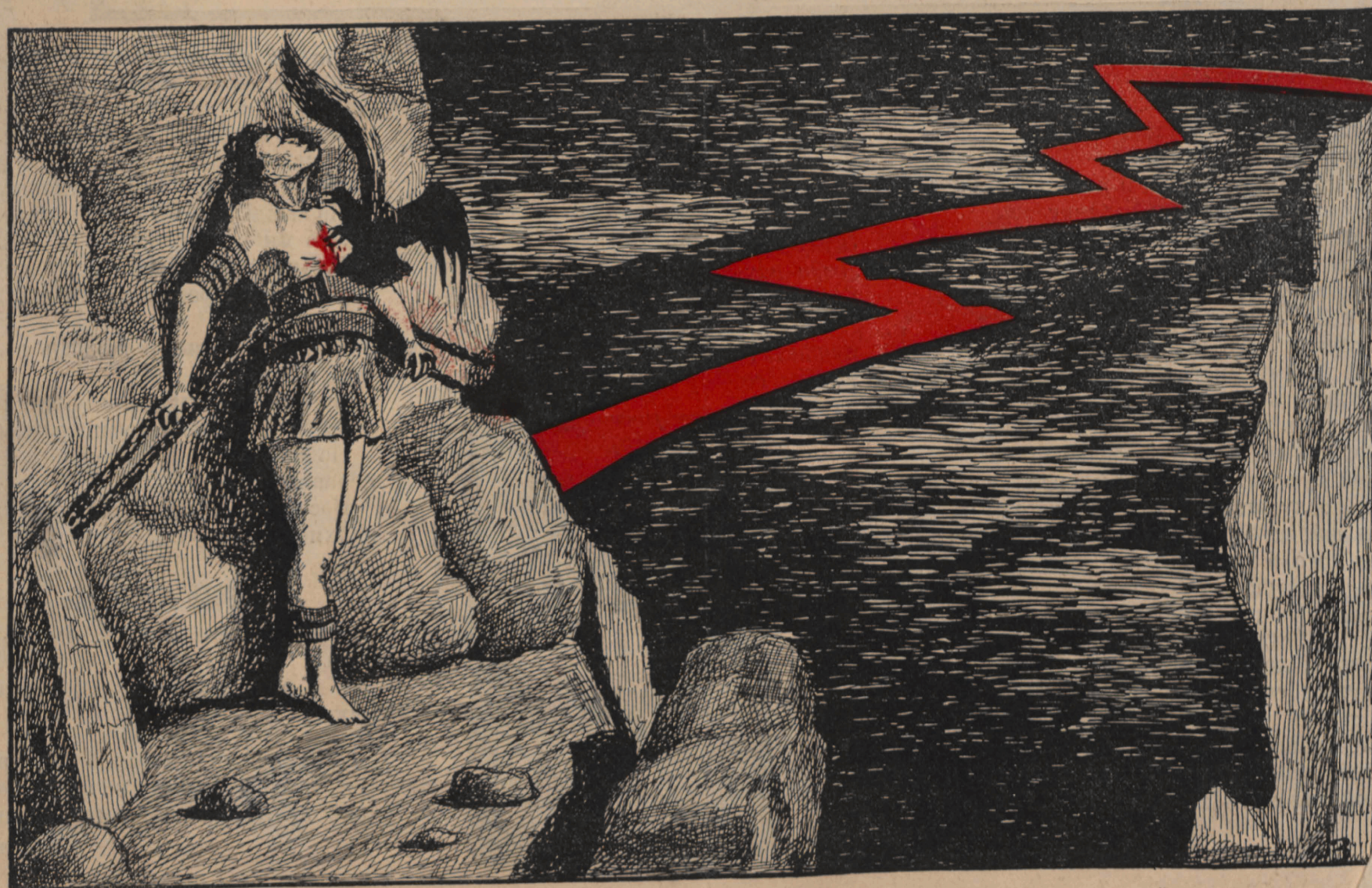

Цѣна № 15 к., въ провинціи 20 к.

ДѢВОЧКА-ДУМА.

(Сказка для маленькихъ дѣтей).

Довольно тихо и совсѣмъ безъ шума
У матушки Руси родилась Дума,
И наскоро она одѣта
Въ мундирчикъ узенькій и новенькій „кадета“;
Но милому, послушному ребенку
Уже готовить бабушка-Реакція пеленку;
Кроватка стелется пока, не жестко,
Но куплена ужъ дѣдой Трепой соска,
Чтобъ молочкомъ ребеночка кормить,
А въ случаѣ чего и ротъ ему забить...
Вокругъ дитями много нянюшекъ прилежныхъ,
Чтобы хранить ребеночка отъ думъ мятежныхъ,
У каждой въ кумовьяхъ—о, не городской,
А околodочный, а то и „набольшой“.
Папашей куплены превкусныя конфетки,
Но для послушнаго и умненькаго дѣтки,
А если шалости онъ вздумаетъ завести,
То для него и розги есть...
И такъ у матушки Руси безъ шума
Родилась дѣвочка, дано ей имя—Дума!

Читатель, я даю тебѣ совѣтъ,
Коль у тебя есть сынъ кадетъ,
То не стриги ты этому ребенку,
Какъ остальнымъ головку, подъ гребенку,
А то тебя презрѣнъемъ заклемятъ
Пе-пекой назовутъ и скажутъ:—„Бюрократъ!“
В. Князевъ.

КЪ ТЮРЬМѢ.

Свѣта-то, радости сколько, о Боже,
Лется и лется въ окно,
Только въ темницѣ все тоже и тоже,
Только въ темницѣ темно.
Тамъ за рѣшеткой знамена сверкаютъ,
Гимны свободѣ поютъ,
Здѣсь насъ лучи никогда не ласкаютъ,
Люди какъ тѣни спуютъ.
Братья, скорѣй же разбейте оковы!..
Долго-ль страдать по тюрьмамъ?..
Братья, мы ждемъ? Откройте засовы.
Дайте свободу и намъ.

А. Г.—ий.

Новыя пословицы и поговорки.

(Записаны въ селѣ Семинарѣ Волог. губ., Волог. же уѣзда).

Вотъ тебѣ Емеля и 27-ое апрѣля!

Русскій мужикъ не великъ, да прытокъ—лягнетъ и безъ копытокъ.

На каждый чинъ—особый апельсинъ.
Что ни пе-пе-пека, то и калѣка.

У Литейной—пред-варительное, а у Смольнаго—пред-ставительное; оба на Шпалерной.

Ври безъ мѣры—попадешь въ премьеры.

Не всякая дума пользу приносить.

Терпи „кадетъ“,—офицеромъ будешь.

Подальше, фока, отъ всякаго „блока“, неравно зацѣпить.

Поскобли октябриста, увидишь монархиста.

Среди крестьянъ.

— Когда-же наконецъ мы дождемся земли?

— А вотъ подожди какъ казаки придутъ.

— Туча надвигается. Быть грозѣ.

— Тото я гляжу почитай полъ деревни въ лѣсъ за кольями отправилось.

Прохожій.

* * *

I.

Нѣтъ, силы больше не хватаетъ
 Терпѣть насилья властный гнетъ!..
 Мнѣ душу мечь воспламеняетъ. —
 Душа горитъ, душа пылаетъ
 И цѣпи вѣковыя рветъ!..

И среди рева непогоды
 Я слышу мощный кличъ свободы;
 Горячій зовъ!.. Призывный кличъ!..
 И этотъ кличъ,
 Какъ властный бичъ,
 Терзая грудь,
 Толкаетъ въ путь...

II.

Впередъ, творецъ живого слова!..
 Рази врага мечомъ сурово!..
 Твой грозный мечъ —

Живая рѣчь!..

Впередъ, о, мстителъ безпощадный!..
 Топчи конемъ врага нещадно;
 Твой вѣрный конь —

Души огонь!..

Твой лукъ—твой умъ, амысли—стрѣлы,
 И жажда мщенья—твой колчанъ;
 Шишакъ и латы—подвигъ смѣлый,
 А шпоры—боль народныхъ ранъ!..

Впереды!.. Забудь свои сомнѣнья;
 Тяжелыхъ думъ гнетущій рой;
 Забудь житейскія волненья,
 Отдайся дѣлу искупленья;
 Иди на бой!..

Иди на бой!.

В. Князевъ.

* * *

* * *

Когда тучи сжимаютъ тѣснѣй и тѣснѣй
 Голубую лазурь небосвода,
 И слышны лишь стенанья да звуки цѣпей
 Изнуреннаго рабствомъ народа; —
 Когда стонетъ подъ игомъ родимый твой край
 И повсюду витаетъ насилье —
 О, скорѣе, товарищъ, скорѣе вставай,
 Расправляй свои юныя крылья.

И, храня заповѣдное пламя въ груди,
 На послѣднюю битву иди!

Буревѣстникъ.

Музыка Эмилиі.

(Миниатюра). Поев. Н. В. К.

Вы знаете мою невѣсту? Можетъ быть вы ее знаете?.. Волнистые, золотые кудри окружали головку Эмилиі свѣтлымъ ореоломъ, а подъ сѣнью ихъ, этихъ кудрей, лукаво выглядывало ея веселое жизнерадостное личико...

Она любила музыку и по вечерамъ послѣ трудового дня, мы собирались въ небольшой усадьбѣ отца Эмилиі и вальсы красивыхъ звуковъ уносили насъ прочь отъ земли, заставляли насъ забывать заботы и униженное положеніе.

Да, мы были рабами! Мы должны были трудиться, чтобы не умереть съ голоду, а каждый излишекъ поглащался арендной платой.

Піанино Эмилиі создавалось три года... Часто думали мы о своей жизни, но она казалась намъ безвыходной и мы покорялись, мы работали, чтобы жить и жили, чтобы работать...

И эта вѣчная работа, эти неотвязчивыя Думы о завтрашнемъ днѣ окончательно бы поработили насъ, еслибъ не музыка Эмилиі... Мы чувствовали это и цѣнили ее...

Невдалекѣ отъ усадьбы находилось имѣніе барона фонъ-Рутшенъ, нашего господина.

Это былъ молодой человѣкъ съ лоснящейся отъ жира кожей, съ парой черныхъ тараканьихъ усиковъ и вѣчною сигарою въ зубахъ. Онъ любилъ карты, свѣтлое, янтарное пиво, красивыхъ женщинъ и лошадей. Стройная, съ волни-

стой гривой, кобыла заставляла блистать его маслянистыя глазки, точно такъ же; какъ и статная дѣвушка.

Онъ часто и долго катался верхомъ... Наша усадьба была очень близко отъ его имѣнія.

Онъ началъ бывать у насъ... Мы покорялись... Помню этотъ свѣтлый, осенній день, когда мы ѣхали въ его имѣніе. Я, отецъ Эмилиі, она сама и братъ ея Августъ были приглашены фонъ-Рутшенъ провести у него цѣлый день. Онъ былъ нашимъ господиномъ, и мы не смѣли ослушаться!.. Мы играли съ этимъ толстымъ нѣмцемъ въ карты, мы пили его пиво, мы начали довѣрять ему, такъ искусно онъ велъ свою роль радушнаго хозяина.

Онъ просилъ Эмилию играть на рояли, и она играла... Онъ просилъ насъ пѣть и мы пѣли...

Мы остались ночевать у него...

На слѣдующее утро мы не нашли Эмилиі, не нашли и барона!.. На наши стоны и проклятія грубые слуги отвѣчали грязнымъ смѣхомъ, а когда мы имъ надоѣли, насъ выбросили изъ Дворца, и мы, избитые и поруганные, словно собаченки, ошпаренныя кипяткомъ, поплелись въ свою усадьбу.

Но мы рѣшили мстить и... отомстили!..

Мы перестали быть рабами, потому что, кромѣ работы для жизни и жизни для работы, у насъ была другая цѣль, эта цѣль **мстить!**.. Музыка Эмилиі осталась съ нами...

И когда начались въ нашемъ краѣ безпорядки, мы были вмѣстѣ, мы рубили лѣса бароновъ и жгли ихъ имѣнія...

Отецъ Эмилиі и братъ ея Августъ разстрѣляны барономъ фонъ-Рутшенъ... Мнѣ отрубили руки... Въ холодную, ненастную ночь на широкомъ Невскомъ ты увидишь много несчастныхъ женщинъ; не презирай же ихъ, быть можетъ, ты найдешь тутъ и мою Эмилию съ золотымъ ореоломъ кудрей...

В. Князевъ.

Изъ пѣсенъ узника.

За свободное слово, за смѣлую рѣчь
Меня темныя хищники взяли,
Изрубили мой племь, изломали мой мечъ
И живымъ въ этотъ склепъ закопали...

И въ могилѣ моей не отыщетъ меня
Лучезарное солнышко дня...

Я одинъ... Я шагаю и взадъ и впередъ
И смотрю на рѣшетку угрюмо,
Въ головѣ же большой паутиною ткеть
Бѣдный мозгъ мой тяжелая дума...

А потомъ я хватаюсь за слабую грудь
И напрасно пытаюсь уснуть...

Иногда я надѣюсь, что братья придутъ,
Разворотятъ гранитъ каземата
И съ собою свободу пѣвцу принесутъ
И обнимутъ, какъ милаго брата...

Но проходить унылые, сѣрые дни
И надежду хоронять они...

Чу! Открыли „іуду“*) и ревностный взоръ
Озаряетъ могилу пытливо...

Это—мой часовой, это—крѣпкій дозоръ
Тянетъ нервы мои молчаливо...

А потомъ наступаетъ опять тишина
И я долго стою у окна...

Одинокій.

*) „Іуда“—это окошко въ двери камеры для наблюденья за узниками.

На могилѣ Шмидта.

Шелеститъ вѣтерокъ на могилѣ твоей,
Словно нѣжная мать припѣваючи,
И ласкаетъ твой сонъ мягкимъ свѣтомъ лучей
Солнце, въ морѣ сѣдомъ догораючи...
Ты погибъ за идею народныхъ борцовъ,
За свободу родимаго края;
По примѣру погибшихъ сыновъ и отцовъ
Ты исполнилъ свой долгъ, умирая...
Какъ одинъ человекъ, поднялася страна
За идеи двадцатаго вѣка
И девизомъ своимъ начертала она
Декларацию правъ человека!..
Много пало героевъ въ жестокой борьбѣ
За свободу и честь умирая;
Дай Богъ вѣчную память и имъ и тебѣ—
Вамъ, открывшимъ преддверіе рая...
За несчастный народъ своей грудью ты легъ;
Бушевала тогда непогода,
Но ты доблестно бился и сдѣлалъ что могъ
Для любимаго страстно народа...
Долго, долго тебя будетъ помнить народъ,
Воспѣвать твои подвиги станеть;
Отъ отцовъ къ сыновьямъ и изъ родовъ и
въ родъ
Твое имя въ молитвахъ помянеть!..

И. Романовъ (рабочій).

Разсказъ моего пріятеля.

(«Вѣкъ жить—увидишь и худо порою».)
(„Разсказъ ямщика—И. Никитина“).

Вѣкъ жить—увидишь и худо порою...
Вотъ, коли хочешь разсказъ поведу,
Какъ, я однажды осенней порою
Пробылъ недѣлю, другую въ аду...
Шелъ, видишь, полемъ я... Вдругъ примѣчаю,
Словно бы скачетъ табунъ лошадей!..
Ну!.. Подхожу я къ попову сараю;
(Знаешь... Весною течетъ тамъ ручей?)

Ну, подхожу я... „Эй, с... с..., куда ты?“,
Слышу вдругъ окликъ, сердитый такой;
Я оглянулся... Ахти мнѣ: солдаты
Всю-то дорогу покрыли собой!..
Самый-то главный, Осподъ его знаетъ:
Съ жиру-ль, съ дороги-ли онъ ошалѣлъ—
Только меня-то къ себѣ подзываетъ—
Ну!.. Значить я и, тово: полетѣлъ!..
Долго-ль летѣлъ я—не помню. Очнулся
Гдѣ-то... въ подвалѣ какъ будто, глухомъ...
Ну, значить, поднялся я, оглянулся;
Полынемъ пышетъ, мой братецъ, кругомъ!..
Между накрытыми плотно котлами
Бѣгаютъ черти чумазой толпой,
Дровъ прибавляютъ, а то и крючьями
Грѣшное тѣло влекутъ за собой...
Обмеръ я, братецъ!.. Ажъ холодно стало,
Даромъ что въ пеклѣ-то бани жарчѣй!..
Сердце-то екнуло и задрожало:
Видно пропалъ навсегда Еремѣй..
Только подходитъ ко мнѣ (не въ обиду:
Вылитый, значитъ, нашъ становой,
Только, какъ будто приличіе съ виду,
Ну и съ рогами...) нечистый хромой!..
Я—это, — въ ноги, а онъ, это, въ зубы!..
(Вижу начальство, ей, ей, хоть куда!..
Только приемы-то больно ужъ грубы,
Ну, да привычны, вѣдь, мы, не бѣда!..
Долго калякали съ нимъ бы любовно,
Вдругъ замѣчаю: смятенъ кругомъ;
Черная нечисть сбѣсилася ровно,
Скачетъ и пляшетъ... Погромъ?—Не погромъ!
Ба, да тутъ митинхъ!... „Товарищи черти!“
(Этто: чертенокъ) „Довольно топить
Пекло дровами и хворостомъ!... Смерти
Челядью (значитъ) полно намъ быть!..
Годъ нонче выдался больно тяжелый
Я никогда такого не зналъ...
Вишь заварили похлебку съ крамолой;
Тьма покушеній—даетъ матерьялъ.
Бѣднымъ рабочимъ въ аду!“ И косматый
Скрылся чертенокъ... А я-то гляжу:
Входитъ самъ главный: рогатый, хвостатый!..
Тутъ я очнулся... Въ больницѣ лежу!..
Диво мнѣ!.. Какъ это, живъ я остался,
Весь, вѣдь, исколотъ рогами чертей!..
Ну, я съ полгода въ больницѣ валялся;
Вышелъ же съ парюю, слышь, костылей!..
Шмелъ.

Новѣйшій Кэк-уокъ.

(Куплеты).

Сданъ въ архивъ премьеръ злосчастный,
Вмѣстѣ съ нимъ министръ всевластный
Дурново,
Дурново —
Вождь всего дурново.
Первый далъ свободу,
А второй—невзгоду;
Мы же, не желѣя
Дали-бъ имъ по шеѣ.
Но безсильны мы, покуда,
Не раздастся голосъ люда,
Смѣлый гласъ
Въ славный часъ,
Полной воли слово!..
„Тямо-тка“ не ждали:
Новыхъ назначали,
Сбившись съ панталыку,
Дали горемыку.
Прочь враговъ... Долой преграды!..
Вновь посыпятся награды,
Ордена,
Ордена,
Титлы и оклады!..

В. Князевъ.

Сонъ въ руку.

Нѣкій сановникъ въ полдень сидя за утренимъ
чаемъ разсказывалъ женѣ:
— Представьте ма сбере, сплю я сегодня ночью
и вижу во снѣ, что наши деревенскіе дикари вы-
рубили всѣ наши лѣса и подбираются уже ко мнѣ.
Я стараюсь убѣжать, но они нагоняютъ меня и раз-
махивая передъ моимъ носомъ палками изъ нашихъ
же лѣсовъ кричатъ мнѣ: „казноградъ! казноградъ!“
— Ну и слава Богу—отвѣтила ему на это же-
на,—я очень рада, что хоть люди надоумили, а то
весна уже прошла, а мы до сихъ поръ въ этой
жалкой россіи околачиваемся.

Прохснй.

НАРОДНЫЙ

С Л О В А

НАРОДНЫЙ МАРШЪ.

По фабрикамъ душнымъ, по тюрьмамъ
холоднымъ
Несется задушенный стонъ;
По хатамъ убогимъ, полямъ недороднымъ,
Какъ эхо разносится онъ!...

Но скоро поймутъ угнетенные братья,
Что сила—въ народныхъ рукахъ!..
И вмѣсто молитвъ—раздадутся проклятья,
И месть запылаетъ въ очахъ!..

Прочь, непогода:

Солнце встаетъ!...

Все—для народа;

Всѣ—за народъ!.. (2 раза).

Пусть жизни хоронятъ во тѣмѣ каземата;
Пусть стонетъ несчастный народъ—
Вѣдь каждое слово погибшаго брата
Намъ новыя силы даетъ!...

Moderato

По фабрикамъ душнымъ, по тюрьмамъ холоднымъ, несется задушенный стонъ по

mf.

Но скоро поймутъ угнетенные братья, что сила въ народныхъ рукахъ и

f

ff Прочь непогода! Солнце встаетъ!... Все для народа, Все за народъ!

Ы Й М А Р Ш Ъ.

В А В. К.

Г. Мурденгофъ.

Но латами убогими по-малку не до роу кыли какъ аю разио-ситя онъ Но

И въ битву мы вступимъ... не зная пощады,
Свершимъ мы отмщенія пиръ;
И всюду построимъ тогда баррикады,
И ими покроемъ весь міръ!...

Сбивайте-жъ, друзья, трудовыми руками
Позорныя путы оковъ!..
Идите скорѣе съ косой и серпами
Подъ знамя народныхъ борцовъ!...

Прочь, непогода:
Солнце встаетъ!..
Все—для народа;
Всѣ—за народъ!.. (2 раза).

И время наступитъ: исчезнетъ насилие,
Какъ долгій томительный сонъ...

И въ битву мы вступимъ, расправивши
крылья,
Подъ сѣною кровавыхъ знаменъ!..

Прочь, непогода:
Солнце встаетъ!..
Все—для народа;
Всѣ—за народъ!.. (2 раза).

И въ битву мы вступимъ... не зная пощады,
Свершимъ мы отмщенія пиръ;
И всюду построимъ тогда баррикады,
И ими покроемъ весь міръ!...

Сбивайте-жъ, друзья, трудовыми руками
Позорныя путы оковъ!..
Идите скорѣе съ косой и серпами
Подъ знамя народныхъ борцовъ!...

Прочь, непогода:
Солнце встаетъ!..
Все—для народа;
Всѣ—за народъ!.. (2 раза).

В. К.

Народная былина.

Какъ во славномъ, было, городъ во Питеръ,
На той улицѣ широкой, на Гороховой
Да и дали намъ свободушку нежданную,
Что свободушку того-ль Сергѣя Юльича...
И отъ той ли, отъ его пресвѣтлой милости,
Отъ гороховой свободушки октябрьскія—
У всего народа чубы зачесались,
Буйны головы къ сырой землѣ склонились...
А и всталъ, поднялся свѣтлый Сергій Юльевичъ
Полуштофное, портсмутское сіятельство,
А-й воскликнулъ зычнымъ, громкимъ, смѣлымъ голосомъ:
— „Эй вы, гой еси, мѣщане домовитые,
Тылигенты и крестьяне безземельные,
А и дамъ я вамъ, желанные, свободушку,
Что свободушку нежданную великую!..
Перво на перво свободушку словестную:
„Государство Бутембродное и Русское“,
А вторую дамъ свободушку собранія
На Казачьемъ, на Шпалерной, да на Выборгской;
Третью совѣсти дарю вамъ свободушку
Въ Кишеневѣ, Шкловѣ, Кіевѣ, Бердичевѣ:
А четвертую свободушку да личности:
Поль Россіи на военно положеніе;
А къ послѣдней, да союзовъ всѣхъ свободушкѣ
Дамъ въ придачу я Петра Вамъ Николаевича,
Что Дурновымъ по Россіи прозывается:
(Ужъ дурного-то дурное испугается)!—
И замолкъ тутъ графъ пресвѣтлый Сергій Юльевичъ,
Полуштофное, портсмутское сіятельство,
Монополию отчизнѣ даровавшее,
Сахалинъ въ дальней Америкѣ проспавшее...
Какъ провелъ онъ въ жизнь желанныя свободушки,
И ушелъ скорѣй, сатиною оплаканный!..

О, прости насъ, неразумныхъ, Сергій Юльевичъ,
И, въ совѣтѣ засѣдая государственномъ,
Не сули ты намъ опять свою свободушку:
Та свобода намъ давно уже пріѣлся!..
Отправляйся-ка ты лучше, Сергій Юльевичъ,
За ту стойку, за дубовую, кабатцкую,
И виномъ зеленымъ міръ крещеный подчуя,
Будь, пресвѣтлый, всероссійскимъ цѣловальникомъ!..

Записаль Дятель.

„Звѣздная палата“.

Въ нашемъ городѣ—царствѣ науки, труда
Вся „изъ звѣздъ“ появилась „Палата“.
Засѣдаютъ тамъ „бѣлой кости господа“
Ивершатъ судьбы „меньшого брата“.
Всѣ, кто ждетъ надъ собой Божьей кары, суда,—
За „уходъ“—за „больнымъ“ населеньемъ,
Всѣ грабители, всѣ—кандидаты „туда“,
Развѣ съ самымъ пустымъ исключеньемъ!

Всѣ, кто тонко дѣлишки „обдѣлавъ“ почилъ,
Кто въ карманъ положилъ миллионы,
Кто слезами и кровью страну напоилъ,
Кто „охраны“ „вводилъ и законы“—
Всѣ въ „палатѣ“! Мудрятъ „эти тамъ господа“,
Не стѣсняясь своимъ „положеньемъ“!
Всѣ тираны—сановники, всѣ кандидаты „туда“,
Развѣ съ самымъ пустымъ исключеньемъ!

Г. Карповъ.

Впередъ.

Они шли впередъ тѣсной, дружной лавиной. Казалось конца нѣтъ
бесконечному темному морю головъ. Лишь мѣстами кое-гдѣ среди этой
массы яркими сильными пятнами выдѣлялись красныя знамена тор-
жественно колебавшіяся по вѣтру.

Они шли и грозно, торжественно колыхалась ихъ бесконечная
стихійная волна. Мутно. Накапываетъ дождь.

Вотъ изъ-за угла имъ навстрѣчу показалась другая, стройная, бле-
стящая лавина. Ровными, спокойными рядами плыла она колыхаясь
по блестящимъ обгареннымъ кровью и дождемъ тротуарамъ угрюмаго
города. Ни слова не слышалось здѣсь. Только топотъ тысячи лошадин-
ныхъ ногъ, да лязгъ оружія о шпоры и стремяна нарушалъ эту могиль-
ную тишину.

И вдругъ гдѣ-то далеко-далеко въ самомъ концѣ улицы торже-
ственно ровно полилась могучая смѣлая пѣсня:

Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ...

Разростаясь все шире и шире, всю толпу, все пространство за-
хватила она собою. Такъ морскою спокойною гладью овладѣваетъ все-
сильная, бесконечная волна въ непогоду. Чѣмъ дальше тѣмъ грознѣй
разростается буря. И рыданья и смѣхъ и стenanье, все слилось тутъ
въ одинъ общій гулъ. И растеть онъ и крѣпнеть и кажется вотъ вотъ
поглотить весь міръ, захлебнетъ его, заласкаетъ въ своихъ мощныхъ
стихійныхъ объятыхъ.

II.

Кони спѣшились, остановились. Послышалась команда и взводъ
отдѣлившись отъ прочихъ, ружья наперевѣсъ, легкой рысцой понесся
навстрѣчу грозно-величественной пѣснѣ.

— Замолчать! Р-р-расходишь!...—пищаль чей то голосъ.

Пусть взойдетъ за кровавой зарею
Солнце братства и вѣчной любви...

звучала торжественно пѣсня. А въ упоръ ей хмуро глядѣли блестящія дула ружей и, какъ позднія слезы, катились по нимъ крупныя, чистыя капли дождя.

Тебѣ отдыхъ одна лишь могила...

— Р-р-расходись!..

Но пѣсня росла, не стихала. Толпа также ровно шагала впередъ.

— Рррас-хоо-дись!!!!... — съ опянѣлою злобой безсилія пищала маленькая фигурка на конѣ

Грянуль залпъ. Что то ахнуло вдругъ, простонало и смолкло. Люди сплотились. Бурно заколыхалась волна; глухой тревожный ропотъ пронесся изъ конца въ конецъ по улицѣ.

— Товарищи! Впередъ! За нами миллионы.—Мощный какъ труба голосъ далеко отозвался кругомъ.

И настанетъ година свободы:

Сгинетъ ложь, сгинетъ зло навсегда.

Бурно метнулась толпа. Всколыхнулись знамена и тысячи сѣрыхъ истерзанныхъ горемъ и нуждою людей ринулись грозной лавиной впередъ.

— Взводъ пли!

— Товарищи!

— Рота пли!..

Ни стоновъ, ни плача не было слышно кругомъ. Только пѣсня, могучая пѣсня свободы звучала, да безконечная дробь выстрѣловъ, точно что рвалось кругомъ, стояла въ воздухѣ. И люди, и кони какъ будто смѣшались.

Данте, адъ твой прекраснѣе бойни!

Стихли выстрѣлы. Грозно сомкнулась лавина. Вотъ высокія конныя фигуры прорѣзали цѣпи, сравнялись и быстрымъ галопомъ какъ вихрь умчались обратно. Два—три одиночныхъ выстрѣла пронеслись имъ вдогоню и все вдругъ затихло. Мѣрно двигалась сѣрая масса вдоль пустынныхъ улицъ города. И ни собакъ, ни прохожихъ не попадалось ей навстрѣчу. Только огромныя черныя трубы заводовъ какъ важные осѣвшіе крезы смотрѣли на нее свысока и казалось съ укоризной показывали своими закоптѣлыми, черными головами. У этихъ трубъ не было причинъ ради которыхъ они могли-бы возстать въ дикой злобѣ и рухнувъ навѣки схоронить подъ своимъ грузнымъ тѣломъ всѣхъ тѣхъ кто въ безумномъ довольствѣ посмѣлъ бы грозить имъ. У фабричныхъ трубъ не было сердца.

III.

Мрачно въ холодномъ подвалѣ. Голыя стѣны съ отеками, грязныя стекла, кровать въ уголкѣ, два поломанныхъ стула и столъ.

Ребятишки, мальчикъ и дѣвочка лѣтъ 4—5-ти робко прижавшись въ углу ангельски свѣтлыми глазенками впились въ дверь и ждутъ, не дождутся когда же наконецъ придутъ и дадутъ имъ ѣсть. Ихъ ротыки полуоткрыты, блѣдныя впалыя щеки какъ будто уже съ этихъ поръ запечатлѣли на себѣ весь ужасъ настоящей дѣйствительности.

— Гдѣ же папа?—Какъ будто спрашиваютъ они у нея.

Но отецъ не идетъ. Голодъ все сильнѣй и сильнѣй даетъ себя чувствовать. Страшно... Чу... гдѣ то скрипнула дверь. Вотъ какъ будто шаги... чей то стонъ...

— Мама!—заплакали дѣти въ одинъ голосъ и еще тѣснѣе прижались они другъ къ другу.

— Мама....

Дверь съ шумомъ распахнулась и мать растерзанная, безъ платка на головѣ, съ распустившимися волосами, рыдая и ломая руки ворвалась въ эту убогую мрачную яму. Дѣти мгновенно смолкли.

— Несчастные! Изверги...

А тамъ, позади ее рваные, блѣдные люди несли что-то большое, тяжелое... Принесли, потолкались въ углу и положили свою ношу на кровать.

Дѣти долго испуганно смотрѣли на нихъ и вдругъ заплакали тихо, беззвучно. Слезъ не было на ихъ глазахъ. Имъ было страшно.

— Тише... приходитъ въ себя...—прошепталъ кто-то.

Гробовое малчаніе царило вокругъ. Блѣдныя какъ тѣни фигуры стояли понуро опустивъ свои лохматые головы.

На кровати подъ грязнымъ тряпьемъ шевельнулся что-то живое. Метнулось и сѣрое, окровавленное лицо судорожно приподнялось на воздухъ.

— Товарищи... спа-сибо...

— Тебѣ спасибо. Хоть разъ богъ помогъ!

Сѣрая масса заметалась, упала навзничъ и опять поднялась.

— Жена... дѣти... Товарищи... вы туда... за народъ, за...

Вздригнуло въ послѣдній разъ могучее богатырское тѣло, вздохнуло въ послѣдній разъ полною грудью, упало и вытянулось неподвижно.

— Митрій! Митрій!—раздался нечеловѣческій стонъ.—Митрій... Убили, проклятые!..

Безмолвно смотрѣли на эту картину холодныя стѣны подвала и крупныя мутныя капли катились по нимъ точно слезы.

— Вѣчная память тебѣ товарищъ!..

Прохожий.

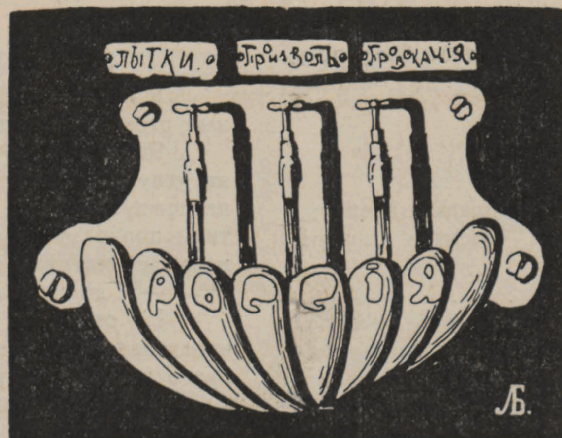
Первый громъ.

Первый громъ прогремѣлъ...
Первый громъ передъ первой грозой,
Какъ красивъ онъ весной,
Вѣстникъ огненныхъ яростныхъ стрѣлъ,
Что готовы разсѣчь пополамъ небосводъ голубой!

Грянь же вновь смѣло громъ!..
Пусть гроза разразится вокругъ,
Дождь залетѣть свѣтлый лугъ,
И кровавыя пятна на немъ,
Въ яркой зелени нивъ заростутъ всѣ
и скроются вдругъ.

Первый громъ грянь сильнѣй!..
Пусть сверкаетъ, горитъ небосклонъ,
Чтобъ покрыть міра стонъ,
Чтобъ вздохнуть полной грудью вольнѣй,
Чтобъ кошмаръ умертвить, чтобъ убить
навсегда жизни сонъ.

Дубровинъ (не Докторъ).

ТЕЛЕГРАММЫ.

Тюмень. Изъ города высланъ десяти-лѣтній кадетъ, прѣхавшій къ родителямъ на лѣтнія каникулы.

Захудаловскъ. Здѣшними дамами устроенъ балъ-маскарадъ въ пользу голодающихъ крестьянъ. Чистый барышъ въ когичествѣ 47 съ половиною коп. переданъ по назначенію.

Королевство Конго. Рѣшено отменить смертную казнь. Приглашаются на тайную службу наипытнѣйшіе изъ уголовныхъ преступниковъ всего міра.

Мозамбинъ. Объявлена всеобщая амнистія. На завтра ожидаются аресты.

Куда макаръ, телятъ не гонялъ Вчера происходили патриотическія манифестаціи по поводу только что прибывшаго къ намъ манифеста отъ 17 окт. 1905 г.

Судъ идетъ.

Воспрянь, народъ!—И онъ возсталъ могучій,
Не зная ковъ, насилья и вражды,
И въ путь пошелъ бороться съ черной тучей,
На новый путь, на честные труды.

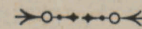
Воспрянь, народъ!—И онъ возсталъ спокойный
И вмѣстѣ съ нимъ законъ святой возсталъ,
Съ гармоніей торжественной и стройной
Онъ какъ булатъ свободу намъ ковалъ.

Возсталъ народъ и новые призывы
Его возстанія намъ больше не нужны;
Взгляни кругомъ: полны народомъ нивы,
И мощенъ гимнъ свободы и весны.

Нашъ судъ идетъ, и всѣмъ открыты двери
Въ тотъ правды храмъ, въ храмъ *нашего* суда;
Онъ намъ вернетъ всѣ жертвы, всѣ потери,
Всѣ капли мукъ жестокаго труда.

Нашъ судъ не ждетъ, не медлить... Для народа
Онъ жизнь отдать безропотно готовъ...
Итакъ друзья: Да здравствуетъ свобода
И сонмъ ея и сонмъ ея сыновъ!

Прохожий.

Письмо въ редакцію.

М. Г.

Г-нъ Редакторъ!

Прошу огласить возмутительный фактъ бездѣтельности нашего, такъ называемаго, Цензурнаго Комитета, допустившаго по своему нерадѣнію, выйти въ свѣтъ и широко распространиться одно сочиненіе, потрясающее основы нравственности и законности.

Я говорю о нѣкоемъ баснописцѣ Крыловѣ, а сугубо о его баснѣ „Волкъ на псарнѣ“, гдѣ вышеозначенный субъектъ приписываетъ спасителю отечества Кутузову совершенно не свойственное ему міровоззрѣніе, а именно принадлежность къ Россійской Соціалъ-Демократической Партіи.

Онъ заставляетъ сего историческаго мужа, обращаясь къ волку, (Наполеону) громогласно заявить: „ты—съръ, а я,

пріятель,—сѣдой!“ что разсѣиваетъ всякія сомнѣнія въ преступности онго Крылова, ибо слово „сѣдой“ суть сокращенный терминъ, замѣняющій длинное слово: „соціалъ-демократъ“.

Кромѣ того вышеозначенный субъектъ, называя волка (Наполеона) „сърымъ“ социалистомъ революціонеромъ тожъ), показываетъ симъ свое полное невѣжество въ области исторіи, а посему я вдвойнѣ негодую на повсемѣстное распространеніе сей басни. Подозрѣвая въ псевдонимѣ „Крыловъ“ извѣстную личность капитана Копѣйкина, считаю своимъ долгомъ довести о семъ до свѣдѣнія бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ г-на Дурного, о чемъ и объявляю во всеуслышанье.

Свидѣтельствую Вамъ, Милостивый Государь свое совершенное почтеніе и имѣю честь оставаться Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Судья Тяпкинъ-Ляпкинъ.

* * *

„Свобода, равенство и братство“...
Когда же сей тріумвиратъ
Собьетъ замки съ російскихъ вратъ,
Разрушить ковы бюрократства?

Настанъ скорѣй желанный день,
Возможность дай скорѣй народу
Зрѣть настоящую свободу,
А ни миражъ ея, ни тѣнь.

Л—ъ.

Стрѣлы.

— Хотѣлъ-бы ты быть министромъ?
— Что я, дуракъ что-ли?

— Какая разница между повышеннымъ и повѣшеннымъ?

— Первый надѣется добиться и второго, второй же никогда не добьется перваго.

„П О Е Д И Н О К Ъ“

ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

ЦѢНА ОТД. № 15 К., ВЪ ПРОВИНЦІИ 20 КОП.

Редакція: Спб., Дегтярный пер., д. 14.

Редакторъ принимаетъ: по Вторникамъ и Четвергамъ отъ 6 до 8 ч. веч.,
по воскреснымъ днямъ отъ 1 до 4 час. дня.

Дума перешла къ очереднымъ дѣламъ.

Издательница А. Д. Рысисъ.

Редакторъ В. М. Онгирскій.

Спб. Коммерческая Типо-Литографія М. Виленчикъ, Литейный пр. 58.

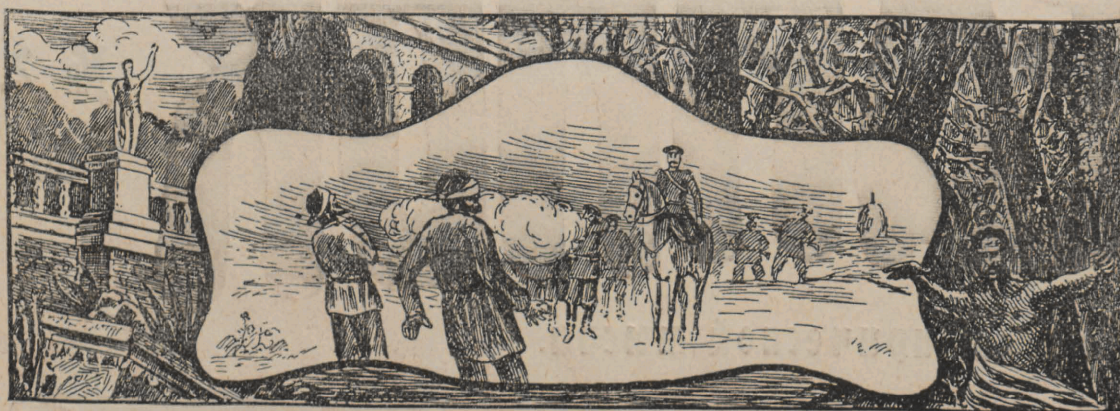
Цѣна № 15 к.,
въ провинціи
20 к.

ЛОБАННОК

№ 2.
1906 2.

Органъ сатирической мысли.

Усмирение.

(Рассказъ Дѣдушки Петра).

— „Слушайте, ребятушки; слушайте, желанные старичка-прохожаго, дѣдушку Петра! Не про Змѣй Горыныча, чудище поганое: не про волка съраго рѣчь онъ поведетъ. Скажетъ онъ, ребятушки, какъ въ селѣ Неѣловѣ, почитай, съ полмѣсяца, усмиряли бунтъ!“

I.

— Началось все съ этого, что прошедшей осенью хлѣбушко на колосѣхъ весь повыбилъ градъ... Кто пошелъ до города, кто пошелъ къ помѣщику, чтобъ своей работою прокормить семью... Только... все вернулись... Въ тѣ поры по волости, не въ одномъ Неѣловѣ, голодалъ народъ...

Какъ повышелъ хлѣбушко, стали думать горькую, вѣчную, крестьянскую думать мужички... Все, что было отдали Тихону Ѳедотычу, кулаку проклятому; все — за полцѣны...

Снова вышелъ хлѣбушко... Малые ребятушки, знамо, неразумныя, пухнуть и реутъ!.. Въ хатѣ баба бѣдная ихъ унять старается, а сама отъ голоду почернѣла вся...

А близи Неѣлова въ закромахъ помѣщичьихъ, хлѣба-то засыпано, почитай, сто пудъ! Вотъ и порѣшили мы міромъ всемъ отправиться, поклониться въ ноженъки, хлѣба попросить: „Вотъ ужъ по осени долгъ свой отработаемъ“ — говоримъ помѣщику: „Помоги, родной!“

— „Не могу, ребятушки; приходили-бъ раньше вы!.. Заграничнымъ скупщикамъ продалъ хлѣбъ-отъ я...“ — Тутъ ужъ не стерпѣли мы: „Что же?.. Гдѣ тутъ правда-то?.. Помирать приходится!.. Нѣмцамъ заграничникамъ вырываетъ хлѣбушко изъ голодныхъ ртовъ“!..

Испугался, видно, онъ, приказалъ приказчику всемъ насыпать хлѣбушка, сколько кто хотѣлъ...

II.

Ну... прошло съ полмѣсяца... Вдругъ на тройкѣ къ старостѣ, Прохору Терентичу, ѣдетъ становой... Насъ на площадь вызвали...

Видимъ вмѣстѣ съ старостой изъ избы выходить къ намъ пьяный становой: „Шапки прочь, крамольники!.. Сволочь черноземная!.. Что, вы тутъ затѣяли бунтъ никакъ, творить?! Выдавай зачинщиковъ!.. Что?.. Молчать!.. Недвигаться!.. Я васъ, голоштаные, живо заporю!.. Вы зачѣмъ помѣщика вашего ограбили?.. Изъ имѣнья барскаго хлѣбъ зачѣмъ свезли?! Эй, рубаха красная!.. Что молчишь, насупившись!.. А-а?! Зачѣмъ помѣщика грабилъ?.. Отвѣчай!“

„Ваше благородіе; дѣтки пухли съ голоду; весь повышелъ хлѣбушко... Голодали мы!“

— „Замолчать!.. Эй, староста, называй зачинщиковъ!.. На селѣ Неѣловѣ кто затѣялъ бунтъ?!“ Тутъ ужъ не стерпѣли мы: „Бунту вовсе не было... Помирать, чтоль, съ голоду? Что же дѣлать намъ?“ — Гулъ пошелъ по площади... Мужички задвигались... Каждый сталъ выкладывать про свою нужду...

Становой попятился, сѣлъ на тройку быструю и помчался къ городу — „Будетъ вамъ, ужъ!“

На другой день къ полудню казаковъ пригнали къ намъ, становой съ полковникомъ тоже прискакалъ. Вышли мы къ правленію, съ малыми ребятами, съ женами да сестрами; шапки сняли прочь... — „Что вы тутъ затѣяли?!“ — закричалъ полковникъ намъ, сытенькій и кругленькій, что твой барабанъ: — „Эй, мерзавцы, сволочи!.. Раззорять помѣщика!.. Бунтари!.. Крамольники!.. На колѣни все!“

Мы — не шелохнулись... Слова не промолвили, только шапки рваныя мнемъ въ своихъ рукахъ:

„Неповиновеніе?!“ — зарычалъ полковникъ намъ: — „На колѣни!.. Слышите?! Всѣхъ перепорю!“ — И пошло побоище: стараго и малаго, били всѣхъ нагайками, не щадя и бабъ... Стоя пошелъ по площади... Ползаютъ избитые... На травѣ утоптанной всюду наша кровь...

— „Что не покоряетесь?! Выдавай зачинщиковъ!.. Староста, изъ города приходилъ къ вамъ кто?!“

— „Ваше благородіе, не было зачинщиковъ; мы пошли лишь съ голоду хлѣбушка просить!“ — А прося ограбили?! Эй, Ивановъ, Прохоровъ, бей его крамольника!.. Высыпать сто плетей!.. Долго нами тѣшились... Стариковъ и дѣвушекъ, даже малыхъ дѣтушекъ, били не щадя!..

Казаки остались на селѣ Неѣловѣ; почитай съ полмѣсяца раззоряли насъ! На постой назначили, въ видѣ наказанія, по двое и по трое въ каждую избу!.. Эхъ, ты, горе, горькое!.. То подай имъ этого, то имъ щи не по сердцу, то подай имъ дочь!..

Соберутся пьяные и по всемъ по улицамъ на коняхъ нагайками, ну, народъ хлестать!.. Иль поймаютъ... дѣвушку... и ватагой пьяною, съ пѣснями и хохотомъ повлекутъ въ гумно!..

Помните же, дѣтушки; помните, желанные какъ въ селѣ Неѣловѣ усмиряли бунты!..

В. Стырый.

О т ъ к р е с т ь я н ъ .

Нашимъ потомъ и кровью удобрена тѣ,
 И слезами омыта родная земля;
 Ты во власти теперь *незаконной* у баръ,
 Но по праву ты наша и есть и была.
 Мы вѣками трудились въ пользу господъ
 Часто хлѣба куска не имѣли,
 А они наслаждались въ хороммахъ своихъ,
 И за нашей спиною жирѣли.

Но довольно, сознание проснулося въ насъ
 Ужъ не темень какъ прежде мужикъ,
 Поднялась по деревнямъ крестьянская рать,
 И раздался воинственный крикъ.
 „Ну-ка братцы вставайте, и сбросьте съ себя
 Гнетъ неволи, и смѣло впередъ!
Поднимайся на баръ, и иди за землей
 Отрезвленный крестьянскій народъ.

[Вѣра 3.]

Пѣсня буревѣстника.

Жалкія люди, вашъ жизненный путь
Блещетъ ли ярко огнями?..
Вольно ли дышетъ изсохшая грудь,
Сжатая рабства тисками?..

Ползая медленно взадъ и впередъ,
Мысль облекая въ оковы,
Рабски покорно вы сносите гнѣтъ,
Гнѣтъ безпощадный, суровый!..

Вамъ не поднять предъ грозой головы;
Все-то приводитъ васъ въ трепетъ!..
Кротко испуганно смотрите вы,
Рѣчью зовете вашъ лепетъ!..

Стонъ вашъ сливается съ лязгомъ цѣпей;
Стонете вы отъ безсилія!..
Сами себѣ вы рукою своей
Води обрѣзали крылья!..

Какъ хорошо къ голубымъ небесамъ
Взвиться могучимъ полетомъ!..
Водей, свободою дышется тамъ,
Нѣту тамъ мѣста заботамъ!...

Только... не надобно въ жизни калѣкъ!..
Жалобы, стоны, молитвы
Долженъ скорѣй замѣнить человекъ
Пѣснью побѣдною битвы!..

Долженъ онъ смѣло и грозно проклясть,
Все что влечетъ порабощеніе!..
Долженъ низвергнуть позорную власть;
Долженъ откинуть сомнѣніе!..

Долженъ идти онъ впередъ и впередъ,
Въ прахъ расшибая преграды!..
Долженъ вездѣ поднимать онъ народъ,
Строить вездѣ баррикады!..

Долженъ отречься отъ жизни своей,
Грудь закалять молодую;
Бросить любимыхъ и близкихъ людей,
Выковать волю стальную!..

Долго отчизна спокойно спала,
Наглая, хищная стая
Много посѣяла горя и зла,
Всюду, отъ края до края!..

Много работы досталось намъ;
Въ путь же, товарищи-братья!..
Прошлаго рабскія цѣпи—къ ногамъ!..
Злу, произволу—проклятія!...

В. Князевъ.

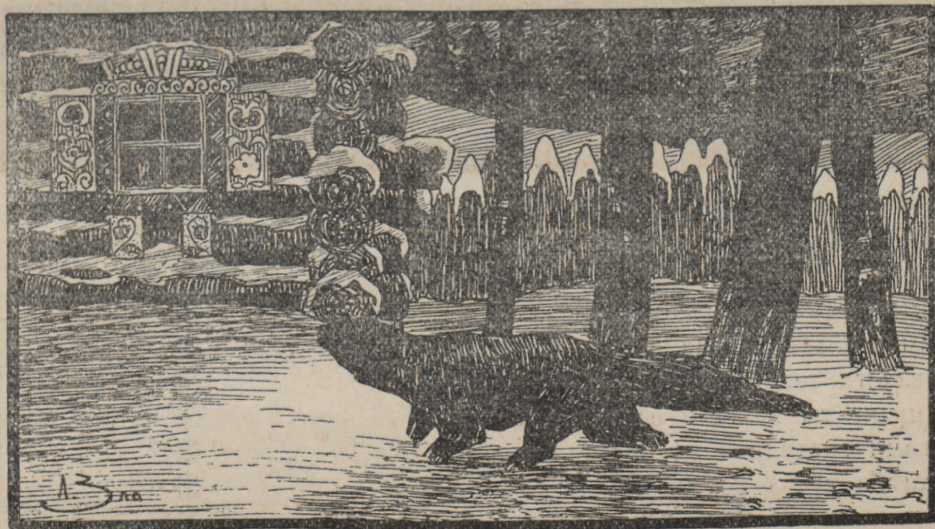
Прохожій.

Смѣло развѣйся знамя борьбы.
Долго-ль томиться намъ долго-ль страдать,
Долго-ль свободы какъ милости ждать,
Иль мы навѣки рабы?!..

Рабъ свободный, выходи.
Въ обновленной жизни поле,
Къ новой битвѣ и на волѣ,
Въ новый лучший путь иди.
Нѣтъ тебѣ преградъ коварныхъ,
Не страшитъ тяжелый трудъ,
Ты правителей бездарныхъ
Смѣло выведешь на судъ.

Передъ силою свободной
Сгинуть пасынки судьбы,
И надъ міромъ разовьется
Знамя красное борьбы.
Осужденное насилье
Свергнешъ ты бичемъ ума,
Гнетъ сразишь, расправишь крылья
Рухнетъ старая тюрьма.
И свободный и могучій
Какъ весенній ураганъ,
Ты промчишься вольной тучей,
Предъ тобой падетъ тиранъ.
Сгинуть бѣдность и богатства,
Зло продажнаго суда,
И заблещетъ въ сѣни братства
Знамя красное труда.

Смѣло развѣйся знамя борьбы,
Долго-ль томиться намъ, долго-ль страдать,
Долго-ль свободы какъ милости ждать,
Иль мы навѣки рабы?!..

Изъ корана.

(Переведено съ нелегальнаго языка *).

Задремалъ разъ Аллахъ отъ трудовъ и заботъ,
И въ раю всё затихли, какъ мыши:
Смотритъ самъ Магометъ приставъ райскихъ воротъ,
Чтобъ ходили на цыпочкахъ тише...
Вдругъ стрѣлою архангелъ влетѣлъ Азраиль,
Всѣхъ святыхъ растолкавъ по дорогѣ,
Стукомъ, грохотомъ бога отъ сна пробудилъ
И предсталъ передъ нимъ весь въ тревогѣ...
— „Что такое?... Потопъ?... Изверженіе?!.. Проваль?!
Ты откуда сейчасъ?“ — „Изъ Хартума.
Ахъ, мой богъ, мой отецъ, тамъ огромный скандалъ;
Тамъ открылась де-канская Дума!..
— „И зачѣмъ?... Разсуди это дѣло, какъ слѣдуетъ:
Ни на что вѣдь оно не похоже,
Что на этотъ народъ столько послано бѣды!..
За какую провинность, о, боже?...
— „Графъ Бутылкинъ, Мароккскій великій премьеръ,
Показалъ изъ подъ полы свободу,
А потомъ, на коварный, турецкій манеръ,
Ну, повсюду, палить по народу!..
— „А чтобъ кончить скорѣе крамольный вопросъ,
Взялъ въ помощники Петьку Лихого...
Этотъ съ первыхъ же дней жрать принялся овесъ,
(Я отъ вѣка не видѣлъ такого!)
— „И нажравшись досыта вкуснымъ овсомъ
Взявъ на помощь себѣ хулигановъ,
Сталъ устраивать онъ за погромомъ,—погромъ,
Рѣзать бѣдныхъ людей, какъ барановъ!..
— „Ахъ, мой богъ, мой отецъ, снизойди, посмотри!..
Обрати на Хартумъ ты вниманья,
Руку помощи свыше свою протяни,
Облегчи ты народа страданья!..

*) Да простятъ меня Аллахъ и Магометъ, пророкъ его за нѣкоторыя не-
точности перевода.

— „Вонъ, смотри, умираетъ одинъ на пескахъ
Пьяной шайкой рабочій избитый!..
Въ потускнѣвшихъ широко-открытыхъ очахъ
Виденъ ужасъ борьбы пережитой!..
— „Вся окрестность кругомъ и мертва и пуста...
Ускакала опричниковъ стая,
И твердятъ передъ смертью бѣдняги уста:
„Я за бѣдный народъ умираю!“
— „Слышь, звуки?... То стонетъ матросъ молодой
Потрясая безсильно цѣпями!..
Дальше, въ морѣ, за темной, туманною мглой,
Видишь, островъ съ святыми тѣлами?...
— „Жертвамъ мѣста не хватитъ въ пресвѣтломъ раю,
Вѣдь вампиры пощады не знаютъ!..
На Авказѣ, въ Кибири, въ Алтійскомъ краю
Безъ числа вѣдь народъ убиваютъ!
— „Дума жъ, дума Хартумская молча сидитъ,
Резолюции только выносить,
Безъ конца говорить, говорить, говорить,
Милосердья у изверговъ просить!..
Такъ докладывалъ богу крылатый гонецъ,
И Аллахъ хмурить брови сѣдя,
Но подумавъ, ему онъ сказалъ наконецъ
Баритономъ слова таковыя:
— „Отправляйся обратно въ Хартумъ ты скорѣй!
И повѣдай несчастному краю,
Что пока онъ не сброситъ позорныхъ цѣпей,
Я и знать-то о немъ не желаю!..
— „И народу ты, вотъ что еще, передай,
Что похуже въ грядущемъ съ нимъ будетъ,
Если онъ отъ собакъ не избавитъ, свой край
И свободы себѣ не добудетъ!..
— „Ну, а Дума?—Пускай засѣдаетъ она,
Если ей ужъ такъ это охото,
Но когда же возстанетъ повсюду страна,
Побросаетъ де-канцевъ въ болото!“ —

Перевелъ Одинокій.

Руководство

всѣхъ російскихъ сатрапій.

Азъ есмь губернаторъ твой, да не будетъ тебя други, инѣи, развѣ мене.

Не сотвори себѣ идеи и всякаго ученія, елико на Бакунинской догмѣ, елико на марксовской, елико на кадетской, да не поклонишася имъ и да непослужиши.

Не восхваляй имени губернатора твоего всуе.

Рѣжь студентовъ, жидовъ и крамолу, и водка ти будетъ и да почтенъ будеши въ части.

Помни день 23* часовый еже чтите его; 23 часа дѣлай и сотвориши въ нихъ всѣ дѣла твоя, часъ же оставшійся, единый — губернатору твоему.

Убій.

Прѣмобо сотвори!

Укради.

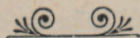
Засади друга твоего-крамольника въ участокъ.

Не зѣвай.

Обыскивай карманы искренняго твоего, вытаскивай кошелекъ ближняго твоего, и часы его, и платокъ его и портсигаръ его, и цѣпочку его, и все елико суть въ карманахъ ближняго твоего!

Для Ренненкампфѣи, Каранозѣи, Амиханѣи, Скалонѣи и пр. и пр.

Составилъ смиренный Василій.

Борцу за свободу.

Съ душой возвышенной и чистой,
Подобный грозному титану,
Тропою узкой и тернистой,
Иди ко вражескому стану!..
Впередъ борецъ!.. Отравой мщенья
Покрой свой мечъ, копье и стрѣлы;
Не знай пощады и прощенья,
Иди, иди на подвигъ смѣлый!..

А. Соколовъ.

Ясновидящие.

I.

— Кайся скорѣй, многогрѣшное чадо!..
Ждетъ ты на небѣ за это награда!..
Былъ ли во храмѣ?.. Сильна-ль твоя вѣра?..
Между знакомыхъ не зналъ-ли эсъ-ера?..

Глупо прельстившись идеей подпольной,
Былъ-ли когда ты на сходкѣ крамольной?..
Слушался-ль старшихъ?.. А въ „дѣлѣ“ за-
мѣшенъ?..—

— „Грѣшенъ я, батюшка, грѣшенъ“!

II.

— Все Расскажи мнѣ теперь безъ утайки!..
Или получишь удары нагайки!..
Живо завоешь такимъ-то манеромъ!..
Кто изъ знакомыхъ твоихъ былъ эсъ-еромъ?..

Ну! Отвѣчай! Аль не пробовалъ плетки?!..
Гдѣ собирались крамольныя сходки?!..
Ну, а замѣшенъ въ какомъ былъ ты дѣлѣ?...

Въ темную на двѣ недѣли!...

В. Князевъ.

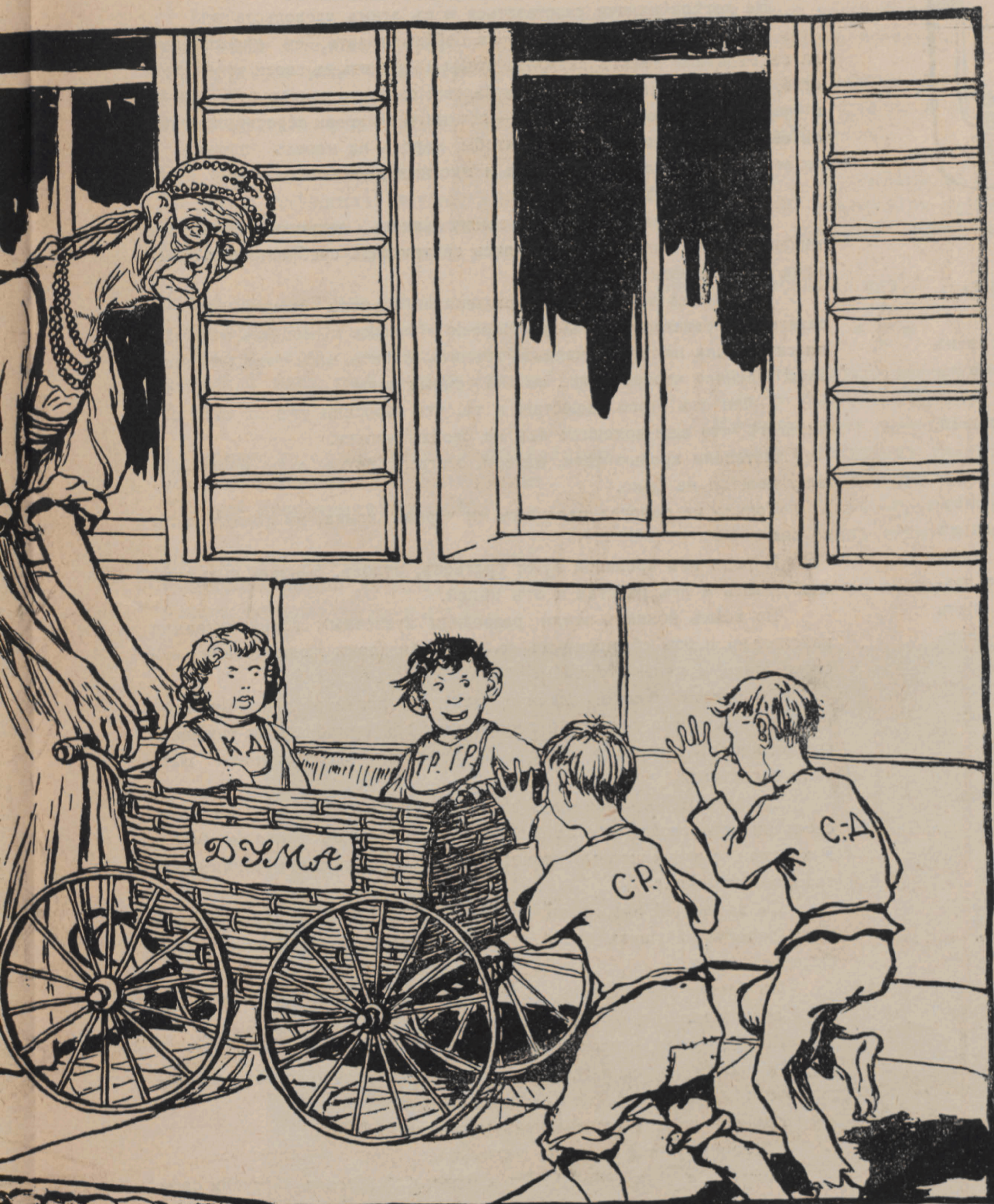
За что?

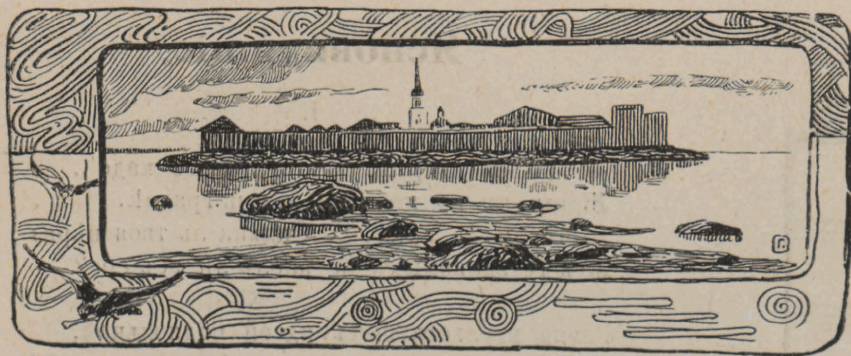
Что я вижу въ газетѣ? Ужели не сонъ?...
Это-ль „партия народной свободы“?
Предо мной „о печати новѣйшій законъ“,
Воскрешающій старые годы...

Все, что прежде давило, сжимало печать,
Что ей цѣпи ковало сурово,
Что всегда, въ старину,—заставляло молчать
Соль — культуры — свободное слово!

Все опять пробуждаетъ новѣйшій законъ,
Только съ болѣе вкусной „приправой“,
Чтобъ печать погрузить въ ненавистный ей сонъ,
Чтобъ ей сердце наполнить отравой.

Г. Карповъ.

Нянина сказка.

— Няня, мнѣ страшно!

— Не думай, дитятко, закрой глазки и тогда тебѣ не будетъ, страшно...

— Няня, я слышалъ изъ своей колыбели за окнами дворца звонъ цѣпей и стоны... какъ будто бы вся земля плакала и на чьихъ то ногахъ бряцали кандалы. Сперва я слышалъ только эти стоны да звонъ цѣпей, потомъ къ нимъ прибавилась какая то пѣсня, то страшная, какъ буря, то счастливая, какъ мечта...

Вмѣстѣ съ пѣснями, что то падало, разрушалось и мнѣ чудилось, что стѣны нашего дворца вздрагиваютъ. Стоны перешли въ смертельно страшные вопли, но цѣпи бряцали по новому. Въ ихъ звонѣ уже не слышалось прежней скорби и мучительной тоски. Онѣ какъ будто бы рвались и сползали съ чьихъ то ногъ. Няня, а потомъ лязгала сталь, какъ будто бы палачи оттачивали топоры... А тамъ опять слышались вопли и къ нимъ прибавился еще дѣтскій плачъ. За дворцомъ каркало воронье и свистѣли ихъ черныя крылья... Журчали какіе то ручьи и мнѣ чудилось, что то человѣческая кровь. До моего слуха еще доносился дикій вой и бѣшенный хохотъ, словно смѣялся самъ сатана.

Но пѣсня сильная, какъ буря, страшная, какъ небесный громъ и счастливая, какъ мечта, не прерывалась, она звучала громче и своими раскатами покрывала и дикій вой и бѣшенный хохотъ...

И теперь, няня, я все это слышу!..

А вотъ еще что то новое, словно шипятъ змѣи.

Няня, расскажи мнѣ, что это?—Неужели вся земля наполнилась змѣями!?

— Нѣтъ, дитятко, это шипятъ пули. Это полки разряжаютъ ружья.

— Съ кѣмъ они вздумали воевать?

— Тише, тише, дитятко, не буди моей печали! А если хочешь, я безъ твоихъ страшныхъ словъ расскажу тебѣ сказку:

„Въ той землѣ, которая сотни лѣтъ стонала и надрывалась, въ той землѣ, поля которой вмѣсто жита усѣяны человѣческими костями, палачи вздумали воевать съ народомъ.

— Гдѣ же они взяли солдатъ?

— Слушай, не перебивай! Палачи ихъ набрали изъ того же народа.

— Нѣтъ, няня, я этому не хочу вѣрить: не способенъ на такое дѣло солдатъ изъ народа!..

— Замолчи, вѣдь я тебѣ говорю сказку... Знаешь ли ты, дитятко, что такое рабство?—Это—тяжелыя кандалы, желѣзныя цѣпи.

Сбрасывалъ съ себя народъ рабство, спадали съ его ногъ кандалы.

Привыкли палачи слышать звонъ цѣпей, не хотѣли они лишать себя этого удовольствія.

Порабощенный народъ добывалъ палачамъ медъ, пиво, брагу, крѣпку. Закрѣпощенный народъ изъ своихъ костей дѣлалъ побрякушки, чтобы развлекать палачевыхъ щенятъ.

Не хотѣли палачи разставаться и съ этимъ удовольствіемъ!

Стали палачи думу думать, на бобахъ гадать, съ кудесниками, да съ вѣдьмами совѣтъ держать, чтобы сохранить въ своей землѣ рабство, чтобы не лишать себя удовольствія слышать кандалную музыку, и пришли къ такому заключенію—потопить въ крови сбросившихъ уже съ себя цѣпи и сдѣлать смуту, чтобы народъ на народъ пошелъ. А та земля была велика и обильна и многими народами полна.

Сказано—сдѣлано.

Разослали палачи по всей землѣ дьяковъ, вельможныхъ бояръ, инквизиторовъ, которые согласились за тридцать сребренниковъ именемъ Бога живого торговать.

Ополчилась черная клика, развернула знамена своихъ палачей, зазвонила предательски въ христіанскіе колокола и, корчась въ дикой пляскѣ пошла налѣво и направо громить, рубить, насиловать, растлѣвать. Подняла черная клика со дна темныя силы.

Гибли отъ этого нашествія и тѣ, что сбросили уже съ себя цѣпи, и тѣ, что еще волочили ихъ на своихъ ногахъ.

Истекали кровью дѣти, матери, сестры, братья, отцы, жены—никому пощады не было.

Только не помогла палачамъ ни черная клика, ни темныя силы со дна.

Народъ изъ кровавой лужи братьевъ, отцовъ, сыновей выходилъ свободнымъ и отъ рабства и отъ цѣпей.

Во всѣхъ концахъ земли разводили кузнечныя горна, строили наковальни и изъ сброшенныхъ съ ногъ кандаловъ люди ковали кистени, пики, стрѣлы и палицы.

Въ ярость пришли палачи и придумали для народа новыя пытки: стали собирать солдатъ и лживые инквизиторы опять за тридцать сребренниковъ торговали именемъ Бога живого. Лжедуховники шептали солдатамъ:

„Христіолюбивое воинство! не щади ни брата своего, ни мать свою, ни отца своего, ибо за своя дѣла унаслѣдуешь царствіе божіе. Руки твои, омытыя кровью родившихъ тебя мы искупимъ нашими святыми молитвами...“

Съ затаенной злобой въ сердцахъ слушали солдаты карканье черныхъ воронъ, алчущихъ крови, и молчали. Ихъ заколдованная воля была безсильна.

Съ барабаннымъ боемъ, съ ружьями на прицѣлъ отправили палачи заколдованныхъ воиновъ на народъ.

Шипѣли пули, какъ змѣи.

Плакала мать сыра-земля и хоронила въ своей утробѣ солдатскихъ отцовъ, братьевъ, женъ и матерей.

Каркали черныя вороны надъ могилами.

Но воины узнавали стоны родимыхъ.

Солдатскія руки слабѣли. Воины одинъ за другимъ опускали свои ружья, бросались на колѣни, плакали надъ могилами и шептали „простите, родимые, насъ обманули палачи...“

Солдатскіе полки выходили изъ заколдованнаго круга: они поворачивали свои ружья и ихъ пули свистѣли по палачамъ...

— Дитятко, а теперь спи, завтра я расскажу тебѣ еще сказку.

Гражданинъ.

Новая пѣсня.

Озаряемая заревомъ востока,
Пробудилась угнетенная страна,
Цѣпи прошлаго отбросила далеко,
Цѣпи дозгаго, мучительнаго сна...

Отъ Финляндіи суровой и угрюмой,
До Алтая снѣжныхъ, ледяныхъ высотъ,
Поднимался всюду съ затаенной думой
Оскорбленный и униженный народъ...

И покорно затихала непогода,
А изъ сумрачныхъ, далекихъ, мрачныхъ тучъ,
Солнце правды—лучезарная свобода—
Посылала намъ свой первый, свѣтлый лучъ!..

Слышишь ли стоны надъ краемъ роднымъ,
Кровью политымъ, злобно гонимымъ
Шайкой проклятыхъ трутней?..

Видишь: сожженные бѣдныя хаты?..
Слышишь: орудій зловѣщихъ раскаты,
Свистъ беспощадныхъ плетей?..

Братъ мой, не падай тревожной душою,
Рви эти цѣпи могучей рукою,
Братъ мой алфѣтъ восходи!..

Залиты грозной толпою дороги,
Падаютъ храмы, дворцы и остроги;
Кто то великій идетъ!..

Слышатся гордыя, смѣлыя рѣчи,
Искры борьбы зажигая въ груди!..
Братъ мой любимый спѣши къ нимъ на
встрѣчу!..

Братъ угнетенный, иди!..

В. Князевъ.

* * *

Падаетъ долгаго гнета стѣна,
Рабство бывшее—забыто...
Многихъ, быть можетъ, задавить она
Тяжкимъ паденьемъ гранита!..
Что-же?.. погибшимъ мы славу споемъ:
Сами жъ, какъ бурныя воды,
Хлынемъ чрезъ стѣну и въ битву!

возьмемъ

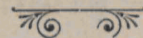
Полное счастье свободы!..

А. Соколовъ.

Мелочи.

— Говорятъ, что исторія не повторяется,
однако же мы переживаемъ въ настоящее
время и эпоху опричины, и покореніе Си-
бири казаками, и завсѣваніе Ливоніи, Поль-
ши, и даже Кавказскія войны.

— Этакъ, чего добраго, скоро и Пу-
чевскій бунтъ увидимъ!—

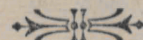
— Митричъ, а Митричъ!—

— Чаво?

— Сор-оть со двора выбирать надо-ть,
а то околотоводочный, либо приставъ штрахтъ
наложатъ!..

— Знамо надо-ть!.. Эфто даже въ га-
зетинахъ пропечатано намереніе лавошникъ
читалъ: такъ и такъ, молъ, соръ изъ двора
выметать пора, весна на дворѣ!..

— Погоди малость—выметимъ!.. Какъ,
Богъ свѣтъ, выметимъ!..

Голодь идетъ.

— Сижу эфто я, Перепетуя Менандровна, на завалинкѣ. „Самъ“ отъ газету читаетъ, про Думу, да про кадетовъ, а мальченка Митинька, въ гимназїи ень состоитъ, басню жарить... Погляжу этто я на нихъ — уморушка!.. Самъ отъ какъ зачнетъ басомъ: „въ капустіонно-демордобической партїи...“, а Митинька изъ окна!.. „Ракъ пьтится назадъ, а щука тянетъ въ воду!“

— Скажите!...

В. В.

Изъ пѣсенъ свободы

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.“

Довольно терпѣнья—
Поругана честь!..
Народное мщенье
Не знаетъ прощенья;
Да здравствуетъ мѣсть!..

Забудемъ молитвы
И пѣнье псалмовъ...
Призывами къ битвѣ,
Какъ лезвіемъ бритвы,
Разимте враговъ!..

Реветь непогода
Во тѣмѣ вѣковой!..
За долю народа
Насъ кличетъ свобода;
Идемте на бой!..

Пусть ночь потемнѣла,
Пусть буря реветъ—
Товарищи, смѣло
За общее дѣло
Идемте впередъ!..

Поднимутся страны
Забудется страхъ!..
Забьютъ барабаны...
Падутъ истуканы
Предъ нами во прахъ!..

Не ждемъ мы награды;
Мы—воли хотимъ...
Подъ гулъ канонады,
Въ огнѣ баррикады
Мы міръ обновимъ!..

Довольно терпѣнья—
Поругана честь;
Народное мщенье
Не знаетъ прощенья;
Да здравствуетъ мѣсть!..

Буревѣстникъ.

К Р О Т Ы.

(Разсказъ).

Ихъ было много...

И всѣ они, прикованные къ тачкамъ, запряженные по рудникамъ и копамъ должны были трудиться съ первыхъ проблесковъ зари до поздней ночи. Надсмотрщиками надъ ними были поставлены ихъ же дѣти и братья, оторванные отъ родныхъ семействъ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ. Этихъ юношей хозяева рудниковъ предварительно передѣлывали на свой ладъ, давали имъ въ руки ружье или остро отточенную шашку и указывая на согнутыхъ подъ тяжестью житейскаго бремени стариковъ и дѣтей, приказывали имъ:

— Стрѣляй! Руби!

И если они продѣлывали это безъ малѣйшаго смущенія — имъ раздавали награды, повышенія, чины и ордена. И случалось такъ, что когда они разрушали свое-же отечество и убивали всякую вѣру въ людяхъ — имъ раздавали ордена съ надписью: „За вѣру и отечество“. Если они убивали безоружныхъ людей имъ вѣшали на грудь кресты имени Георгія Побѣдоносца.

Долго такъ жили люди во тьмѣ въ недоумѣніи. Но времена перемѣнчивы. На горизонтѣ вѣчныхъ страданій сверкнула новая, невѣдомая доселѣ звѣзда. Яркая, красная... И она своимъ блескомъ пробудила сердца людей какъ божественнымъ откровеніемъ. Вспыхнули сердца людей, пробудились и подъ грязнымъ убогимъ нарядомъ забили яркіе, чистые родники новой жизни.

Къ дѣлу товарищи! Впередъ!

И люди могучіе, сильные опустили по рудникамъ, разбрелись по самымъ отдаленнымъ шахтамъ и принялись усиленно работать. Тачка за тачкой выбрасывались цѣлыя горы земли изъ ихъ норъ. И надсмотрщики и хозяева не могли понять, что за перемѣна произошла съ ихъ упорными рабами. Хозяева говорили:

— Не забывайте только почаще ихъ подгонять и работа пойдетъ еще быстрее.

Надсмотрщики отвѣчали въ голосъ:

— Рады стараться Баше-ство! — и дружно били рабовъ.

Рабы, чтобы дальше уйти отъ тирановъ все глубже и глубже рыли подземные входы и казалось конца имъ не будетъ.

Но вотъ разъ подъ вечеръ нанося молоткомъ послѣдніе удары каменистой черствой почвѣ, одинъ изъ рабочихъ почувствовалъ какъ его орудіе глухо ударило объ ровный отшлифованный гранитъ и въ ту же минуту услышалъ далекіе-далекіе звуки оркестра, шелестъ ногъ по паркету и грязныя циничныя пѣсни вельможъ. Эти пѣсни рабу уже были знакомы. Онъ вздрогнулъ отъ неожиданной радости.

— Товарищи! — пронесся по шахтамъ его могучій голосъ. — Товарищи! Я достигъ храма тунеядства. Теперь то онъ рухнетъ. Сплотимся же дружно и къ первому проблеску солнца окончимъ работу. Солнечный лучъ снова засвѣтитъ намъ. Мы выйдемъ наверхъ. Мы пробьемъ путь къ свѣту. Итакъ: Впередъ товарищи!

Дружно застучали кирки и топоры. Живо кипѣла работа и едва востокъ озолотился первыми лучами какъ рухнулъ храмъ тунеядства и чистая, ароматичная струя мощнымъ потокомъ хлынула черезъ открывшееся отверстіе въ душное и мрачное подземелье.

Рванулись къ свѣту усталыя, больныя души рабовъ и мощный всесильный гимнъ свободѣ помчался навстрѣчу рабамъ.

— Впередъ, товарищи! Да здравствуетъ Свобода!

Прохожий.

Э! ты куда-жъ, куда собрался, паренекъ?

Иль въ городъ, зашибать копѣйку порѣшилъ,

Что-бъ за отца внести правителямъ оброкъ?...

Аль можетъ трудъ тебѣ крестьянскій опостыль?..

— Прощай, старикъ, да знай, крестьянскій трудъ мнѣ милъ

Не деньги зашибать, чтобы платить оброкъ

Тому, кто насъ, въ конецъ съ тобою разорилъ,

Собрался твой сейчасъ, какъ видишь паренекъ.

Другое я совсѣмъ задумалъ, старина...

Хочу идти туда, откуда голосъ мой

Услышитъ весь народъ, узнаетъ вся страна,

И къ вамъ, родимые, докатится волной.

Я въ думу порѣшилъ народную идти,

Управы требовать на подлыхъ палачей.

Должны-же въ ней для нихъ намордники найти!

И спины стариковъ сберечь отъ ихъ плетей.

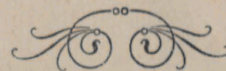
Пусть молодъ еще я, но я уже созрѣлъ

И ясенъ палачей мнѣ хитростный обманъ,

Хоть молодъ еще я, но я душою смѣлъ

И не смутить меня ни чей высокій санъ.

Ершъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ

органъ экстремально-сатирической мысли и въ высшей степени пикантнаго раздумья

„ПОЧТА АМУРА“

Задающій себѣ цѣлью проведенія въ жизнь всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго ядовитаго сарказма. Направленіе прогрессирующее.

Программа minimum дастъ читателямъ и читательницамъ эстетическое наслажденіе; программа maximum — сверженіе бюрократическаго строя, на почвѣ бударовъ и балета.

„Почта Амура“ будетъ выходить еженедѣльно, въ размѣрѣ 16 стр., богато иллюстрировано.

ЦѢНА ОТД. № 5 КОП.

Редакція и Контора: Спб. Дегтярный пер., д. 14, кв. 30.

„ПОЕДИНОКЪ“

ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

ЦѢНА ОТД. № 15 К., ВЪ ПРОВИНЦИИ 20 КОП.

Редакція: Спб., Дегтярный пер., д. 14. кв. 28.

Редакторъ принимаетъ: по Вторникамъ и Четвергамъ отъ 6 до 8 ч. веч.,
по воскреснымъ днямъ отъ 1 до 4 час. дня.

Издательница А. Д. Рысись.

Редакторъ В. М. Онгирскій.

Спб. Коммерческая Типо-литографія М. Виленчикъ, Литейный пр. 58.

DK262
.R9

Цѣна № 15 к.,
въ провинціи
20 к.

ПОБЕДИНОК

№ 3.
1906 2.

Органъ сатирической мысли.

Курсистка.

Вечеръ... Последніе ярко-красные лучи знойнаго солнца порхали по гибкому тростнику, скользили по поверхности озера и погружаясь въ его усталую мертвую воду, казалось, душили его въ своихъ объятияхъ. На берегу, прислонившись къ дереву, стояла девушка. Распущенные пышные волосы черными змѣйками скользили по плечамъ, сползая на грудь и теряясь въ складкахъ одежды, казалось впились въ нее. Лицо было мертвенно блѣдно. Черные, широко раскрытые глаза: то съ тоскою смотрѣли въ даль, то жадно впились въ темную поверхность озера. Стоялъ тяжкій, отрывистый, вырвался изъ ея груди. Она стиснула зубы, рванулась впередъ. Туда... въ воду шептали ея губы. Вдругъ она остановилась... Мама... лепетали ея губы, мама прости... Она въ изнеможеніи опустилась на сырой берегъ. Обвѣтшальныя сучья ивы, сорванные порывами вѣтра, съ сухимъ трескомъ падали наземь. Вдругъ она вскрикнула.... Нѣтъ, не придетъ онъ, нѣтъ... Коля... Тихо шептала сна о свѣтломъ, дивномъ чарующемъ будущемъ... Коля... глухой стонъ вырвался изъ ея груди. Мама, блѣдная мама шепчетъ она—прости... Не могу... Къ нему... тамъ счастье—Счастье? Свобода?... Она дико смѣется. Ей кажется, что они снова вмѣстѣ—ихъ много, лица всѣ блѣдныя, глаза, о какъ смѣло, съ какой горячею вѣрой всѣ смотрятъ впередъ—бодро всѣ идутъ,—впередъ... Вѣлки... знамена—красныя, черныя... Пѣніе—всѣ поютъ всѣ... вопли, измученный, истерзанной родины, сливаются въ одинъ страстный могучій гимнъ... и... Она безумно вскрикиваетъ. Она снова слышитъ залпы, свистъ пуль; крикъ и стоны людей, скрежетъ и

лизгъ зубовъ... Конни несутся—все топчуть... Боже... она видитъ его безумные, широко раскрытые глаза, видитъ кровь, слышитъ его ужасный хрипъ... Она дрожитъ, ползетъ къ водѣ... вдругъ дико вскакиваетъ, бросается впередъ—глухой плескъ, безумное дикое бурчанье—оно замираетъ... все тише... тише... Ночь,—темная, гнетущая, мертвая ночь...

К.

Передъ бурей.

I.

Буря... Скоро будетъ буря... Видишь молніи какъ блещутъ, Мчатся тучи по лазури, Твари жалкія трепещутъ. Твари въ норы убѣжали, Твари прячутся отъ молній, Но укроются едва-ли, Ихъ закрутитъ вѣтеръ вольный. Ихъ закружитъ пиръ природы, Напоятъ виномъ кровавымъ. Усыпятъ враговъ свободы Хоромъ бурно величавымъ. Буря... Скоро будетъ буря... Эй! не скроются вамъ тираны, Вьются стрѣлы по лазури, Поютъ жадной мести раны. Буря! Чу зоветь стихія Къ стягу красному сходиться, Крѣпнуть силы боевыя, Мигъ... и буря разразится!

Прохожій.

Рыцарь безъ страха и упрека. Посвящается Ф. П. Дубасову.

За границу на поправку
Нашъ Дубасовъ ускакалъ,
И затѣмъ уже въ отставку
Слышно выйдетъ адмиралъ.
Чтожъ Дубасова тревожить,
Что мутитъ его покой?
И чего страшиться можетъ
Герой доблестный такой?

Лейтенантомъ подвигъ славный
Онъ безстрашно совершилъ,
И турецкій преисправно
Броненосецъ потопилъ.
Но онъ молодъ былъ годами,
И былъ только лейтенантъ,
А теперь—богатъ чинами:
Генералъ онъ—адъютантъ....

И померкла нынѣ слава,
И звѣзда его зашла,
Съ той минуты, какъ расправа
Его кровью залила....
Его храбрость безъ сомнѣнья,
Вся исчезла безъ слѣда,
Съ безоружными въ сраженіи,
Какъ и чувства всѣ стыда....

И исполненный апломба,
Онъ отправился въ воляжъ,
Была брошена лишь бомба
Ему какъ-то въ экипажъ.
Вотъ такъ вѣрный стражъ отчизнѣ,
Вотъ испытанный герой,
Что, боясь за цѣлость жизни,
Покидаетъ битвы строй!

Демократка.

Народная былина.

Не зеленый дубъ къ землѣ клонится,
 Не бумажные листочки разсынаются,
 На добромъ конѣ ѣдетъ по полю.
 Гроза Грузин, Али-ханъ, старикъ!..
 Руки бѣлыя кровью политы,
 Кровью политы прямо плечомъ:
 Загубилъ Али многихъ враговъ:
 Беззащитныхъ женъ, малыхъ дѣтушекъ!..
 Ѣдетъ грозный ханъ со дружиною,
 Со дружиною, со хораброю..
 Какъ увидитъ онъ гдѣ селенье,
 Громко крикнетъ онъ зычнымъ голосомъ:
 „Ей вы, гои еси, добры молодцы,
 Добры млодцы, да, хорабрые!..
 Вы вѣзжайте-ка, да на улицы,
 Зажигайте-ка хаты бѣдныя,
 Избивайте-ка всѣхъ крамольниковъ,
 Не щадите вы племя лютаго!..
 Забирайте вы злато, серебро,
 Полоните вы красныхъ дѣвушекъ,
 Забирайте ихъ, сколько хочется!..
 Попируемъ мы въ славной Грузин!“—

И дружинники словно вороны,
 Тучей черною на селенье
 Полетятъ сейчасъ вдоль по улицамъ,
 Что по улицамъ, переулочкамъ
 И зажгутъ они хаты бѣдныя,
 Изобьютъ они злыхъ крамольниковъ,
 Племя лютаго не щадя совсѣмъ;
 Заберутъ они злато, серебро,
 Красныхъ дѣвушекъ, сколько хочется,
 И начнется пиръ въ славной Грузин,
 Алиханомъ днесъ завоеванной!..
 Тутъ имъ и славу споютъ....

Записаль Дятель.

* * *

Въ Россіи—все наоборотъ;
 Бездѣльники, купаясь въ златѣ,
 Живутъ въ роскошнѣйшей палатѣ,
 А честный трудовой народъ
 Или въ холодной бѣдной хатѣ,
 Или въ оковахъ, въ казематѣ!..

Сергѣй.

Грянь скорѣ буря.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты
право свое!»

Вчера я видѣлъ страшный сонъ,
Мнѣ грудь давилъ зловѣще онъ,
Какъ скаль массивная громада,
Какъ люциферъ, властитель ада!..

I.

Я видѣлъ, словно наяву.
Какъ мощный вѣтеръ, собирая тучи,
Леталь, свирѣпый и могучій,
Тревожа сонную Неву!..
Гремѣли частые раскаты,
Крѣпчалъ прибой грозный плескъ;
Мелькалъ и падалъ на палаты
Ежеминутныхъ молній блескъ!..
О, никогда я не забуду
Съ какою силой отовсюду,
Съ проспектовъ, улицъ и домовъ,
Изъ парковъ, скверовъ и дворовъ,
Шума волной еще далеко,
Людская кровь неслась потокомъ!..

Объята заревомъ страна;
Протяжный, грозный гулъ набата,
Реветь, уносится куда-то,
Но его каждая волна
Сознаніе будить ото сна!..
И вотъ, подъ грохотъ ваннады,
Растутъ повсюду баррикады!..

Свершилось!.. Близокъ грозный день!..
Покинувъ хаты деревень
Крестьяне шумными толпами
Спѣшатъ на помощь въ города,
Гдѣ гордо вѣются предъ дворцами
Знамена красныя труда....

Проснулся народный вулканъ;
Орля встрепенулся двухглавыи,
Гнѣздо его — залито лавой,
А въ небѣ — кровавый туманъ!..

На жалкихъ обломкахъ дворцовъ
Диктуетъ народъ свою волю,
И громко скликается по полю
Дружины усталыхъ борцовъ!..

Бѣгутъ, расплываются тучи,
Сверкаютъ и грѣютъ лучи;
Съ позоромъ глубокимъ и жгучимъ
Бѣгутъ изъ страны палачи!..

II.

Но тутъ я проснулся въ лачугѣ своей,
Услышалъ: стenanья, угрозы,
И вопли, и крики, и звуки цѣпей,
Надъ дѣтскими трупами стонъ матерей
И слезы, кровавыя слезы.

Скорѣй отзовитесь, въ комъ духъ не угасъ;
На битву скорѣ идите!..
Одна лишь дорога открыта для васъ,
По ней вы за счастьемъ идите!..

Скорѣй отзовитесь, сознанье въ комъ есть,
Оплоть палачей разрушайте;
И лозунгомъ битвы „кровавую месть“
Въ дружинахъ своихъ возглашайте!..

Идите!.. Идите!.. Васъ страстно зоветъ
Въ крови потопувшій народъ!..

Василій Нучинскій.

Пѣсня разбойника.

(ПАРОДІЯ)

(Посвѣщается современнымъ сатрапамъ).

Что приумолкли вы, силы народныя,
Что не идете на бой?
Я покажу вамъ, холопы голодные,
Какъ вамъ тягаться со мной!
Вышлю на васъ я дивизіи цѣлыя
Самыхъ отважныхъ полковъ;
Мигомъ окружатъ васъ полчища смѣлыя
Дикой орды казаковъ;
Ждутъ васъ давно съ наточенными пи-
ками,

Съ массой нагаекъ лихихъ,
И не пробудите вашими криками
Капли вы жалости въ нихъ...
Живо затопчетъ потомъ кавалерія
Васъ подъ ногами коней,—
Временемъ тѣмъ подойдетъ артиллерія
И пулеметы при ней.
Вамъ приготовлены пули отлитыя
И боевые штыки,
Будете гибнуть вы, кровью залитые,
Полны смертельной тоски...
Знаю я самъ, что жестокой расправой
Много я душъ загублю,—
Кто-жъ виновать, что потѣху кровавую
Больше, чѣмъ жизнь, я люблю?

Демократка.

ПѢСНЯ СВОБОДНЫХЪ.

Посв. Н. В. К.

Надъ отчизной рѣютъ тучи... Ярко молнія сверкаетъ, грохотъ грома раздается, словно битвы канонада...

По полямъ, лугамъ и селамъ, въ хатахъ, хижинахъ убогихъ просыпается крестьянинъ отъ глубокой долгой спячки...

Въ городѣхъ же по заводамъ, честный труженикъ рабочій собирается въ дружины, возглашаетъ свою волю: «Прочь, позорные оковы! Мы родились рабами, но вдохнулъ въ насъ духъ свободы искру мести и сознанья!... Прочь позорные оковы!.. Грозно двинемся на битву и разрушимъ въ прахъ твердыню вѣкового произвола!..

Посмотрите, въ мукахъ тяжкихъ всюду стонетъ край родимый; палачей свирѣпыхъ стая всюду вносить раззоренье!.. Казни, пытки и

насилья, беспощадные погромы, тюрьмы, полныя борцами за народъ и за свободу!..

Грянь же, грянь скорѣе, буря!.. Вѣтеръ грсзный и могучій, пролети скорѣй надъ бездной, собирай скорѣе тучи!»

Яркой молніи зигзаги упадутъ на тѣ палаты, гдѣ пируютъ беззаботно кровопійцы и магнаты!..

Кровь убитыхъ понесется по рѣкамъ въ сѣдое море; берега она размоетъ и потопитъ слугъ насилья!..

Вмѣсто пѣсни заунывной, пронесется гелось мести; даже мертвыхъ онъ разбудитъ и вдохнетъ въ нихъ жажду мщенья!..

Грянь же, грянь скорѣе буря!.. И въ волненіяхъ стихій, навсегда пускай погибнуть силы темныя Россіи...

Скоро, скоро грянетъ буря!

В. Гнзевъ.

За идею.

Одна изъ жертвъ.

Забытый всѣми онъ многіе годы томился въ казематѣ... Жизнь для него уже была потеряна.

Однѣ лишь стѣны, стѣны, мрачныя стѣны! Желѣзное рѣшетчатое окошко и кованная дверь страшно мозолили ему глаза, вѣчно говоря одно и тоже: что жизнь погибла для него и онъ обреченъ на смерть.

Медленную, страшную отвратительную смерть въ этомъ ужасномъ мѣшкѣ! И такъ проводить день за днемъ—о, ужасъ! Нѣтъ, лучше смерть... Въ тысячу разъ лучше смерть, она будетъ желанной гостьей. Въ ея хладныхъ объятыхъ онъ забудетъ объ этой мучительной жизни.

Измученный, изстрадавшійся, обезсиленный, психически разстроенный отъ многихъ бессонныхъ въ одиночествѣ проведенныхъ ночей, охваченный кошмарными думами, исхудалый подобно скелету съ страшно провалившимися внизъ темными глазами, съ болѣзненнымъ печальнымъ и стальнымъ вѣчно куда-то вдаль устремленнымъ взглядомъ, хотя его взоры и были обращены на смотрящую на него каменную стѣну, съ висѣвшимъ на немъ точно на чучело одѣтымъ костюмомъ, съ тонкими длинными руками и ногами, заключенный походилъ скорѣе на скелетъ, чѣмъ человѣка. И онъ медленно, тихо и слабо взадъ и впередъ передвигалъ отяжелѣвшія ноги столько лѣтъ шагавшія по холодному каменному полу крѣпости. Въ этой безжизненной апатичной и безразличной походкѣ еще довольно молодого человѣка былъ видѣнъ полный упадокъ нравственныхъ и физическихъ силъ, и кромѣ того еще ощущалась какая-то тайная сокровенная страшная охватившая его рѣшимость.

— Нѣтъ, я такъ болѣе не могу... страдать и жить... и быть можетъ еще долго жить и все страдать. Нѣтъ, это свѣше силъ моихъ! Лучше покончить сразу и больше не мучиться, не терзаться... такъ лучше... немножко энергіи... и я избавленъ отъ этихъ адскихъ, страшныхъ мукъ!—бормоталъ про себя блѣдными дрожащими устами кружившійся по каземату несчастный. Наконецъ, онъ остановился, обвелъ усталыми измученными, но рѣшительными глазами вокругъ себя, и на него сурово глянулъ въ сумракъ погруженный казематъ. Узнику сдѣлалось жутко и онъ бросился на свои жесткія нары. Долгое время онъ тихо забывшись лежалъ безъ никакихъ мыслей точно деревянный, наконецъ онъ понемногу стали возвращаться къ нему. И тогда осужденнаго началъ охватывать какой-то безумный ужасъ. Его больныя уши улавливали страшный звукъ—бряцанье скелета, а галлюцинирующіе глаза видѣли тихо двигавшагося съ распростертыми костлявыми руками идущаго прямо на него мертвеца, отъ котораго пахло труднымъ запахомъ... Узника охватилъ страхъ, смѣшанный съ безумнымъ ужасомъ, а сумракъ каземата сморѣлъ на него сурово и мрачно.

Наконецъ, онъ не выдержалъ этихъ мукъ... Быстрымъ движеніемъ несчастный сорвалъ съ себя рубашку, легъ на кровать. Обвязалъ ее вокругъ шеи, привязавъ къ кровати... и мысленно прощался съ жизнью:

„Прощай жизнь, друзья—все прощай!.. Я знаю, что товарищи отомстятъ за мою смерть. Я уже дальше не могу переносить и страдать.

Нѣтъ силъ.. —и онъ потянулся... рубашка натянута, сдвинула ему горло и узникъ умеръ.

Вскорѣ разсвѣтъ чуть-чуть забрезжилъ и черезъ рѣшетчатое окошко полу-свѣтъ слабо освѣтилъ казематъ. На лицо умершаго падала тѣнь. Отъ этого оно чудилось еще строже и суровѣе. Казалось, онъ и послѣ смерти не примирился со своими мучителями и будто на его застывшихъ устахъ замерла угроза.

Высочившіе изъ орбитъ глаза безжизненно и страшно смотрѣли..

Утромъ вошедшій тюремщикъ въ страхъ попятился назадъ. До того его поразила и испугала эта внезапная смерть узника, который казалось все еще хотѣлъ ему крикнуть: „Часъ возмездія не далекъ“!.

Напуганный тюремщикъ быстро ретировался и сообщилъ администраціи о случившемся.

Такъ погибла одна изъ жертвъ за свободу.

Валько-Отшельникъ.

* *

Случилось то въ осенній день:
Столица флагами покрылась,
На лицахъ всѣхъ печали тѣнь
Улыбкой свѣтлой замѣнилась.
Народъ восторженно читалъ
Указъ отрадныхъ обѣщаній,
И, полонъ счастья, ожидалъ
Освобожденія отъ страданій...
Но въ тотъ же вечеръ роковой
Раздался злобный свистъ нагаекъ
И щедрой сыпались рукой
Удары черной сотни шаекъ...
Пальбы послышался вдругъ громъ
Смутивъ восторгъ толпы несчастной,
Подъ вечеръ осени ненастной...
То было раннею весной:
Одѣлась зеленью природа,
Съ режимомъ старымъ вышли въ бой
Всѣ люди лучшіе народа.
Въ отставку вышелъ кабинетъ,
Тѣснимый нашей новой думой,
И загораться яркій свѣтъ
Сталъ надъ страной досель угрюмой.
Но Камарилья снова бичъ
Намъ поднесла въ лицѣ Совѣта
И прозвучалъ печальный кличъ,
Что пѣсня счастья уже спѣта...
На лица вновь печали тѣнь
Легла взамѣнъ улыбки ясной,
И стало грустно въ вешній день,
Какъ въ вечеръ осени ненастной...

О. Умова.

Призракъ черного папы.

Съ тѣхъ поръ какъ іезуиты Евангеліе превратили въ приходо-расходную книгу, съ тѣхъ поръ какъ они въ образѣ священнослужителей, извращая текстъ писанія, стали торговать именемъ Христа,—они уже не могли быть духовниками.

Ищущіе правды Божіей отвернулись отъ нихъ, какъ отъ проказы.

Нѣтъ, это не чѣловѣкъ! Это выходецъ съ того свѣта, это призракъ черного папы, творящаго свое заклинаніе!..

Когда истинные ученики Христа обличали этихъ искаріотовъ во лжи, они съ бѣшеной злобой предавали ихъ имена сатанѣ.

Со дна пропасти сердца своего, покрытаго язвами зла, іезуиты поднимали всю грязь и забрызгивали ею святое святыхъ.

Указывающихъ путь истинный къ святой правдѣ и съ горькою болью отвернувшихся отъ нихъ іезуиты приговаривали къ смерти и позорно сжигали на кострахъ.

Тѣ, кто отдавалъ истинѣ все сокровище своей души, томились въ тюрьмахъ, бряцали кандалами въ рудникахъ или были казнены публично, какъ еретики.

Темная, какъ жилище смерти, толпа, возбужденная лживымъ ученіемъ инквизиторовъ, потрясая воздухъ возгласами дикой радости, валомъ валила на зрѣлище казни и, опьяненная кровью мучениковъ рукоплескала!..

Лжесвященники, смиренно взирая на небеса, но въ холодѣ сердца своего, лелѣя злобу и наслажденіе местью, торжественно произносили заклинаніе...

* * *

Время шло, сдѣла старина и то, что было когда то дѣйствительностью, стошло въ область преданія.

Люди, переходя отъ одного несчастья къ другому, все больше и больше познавали истину. То, чему они вѣрили сто лѣтъ тому назадъ, теперь считали сказками.

Тотъ, кто былъ казненъ столѣтіе тому назадъ по приговору инквизиторовъ за святотатство, получалъ у народа имя святого. Правда, за которую сжигали на кострахъ, постигалась всѣми людьми. Ложь, въ которой обличали казненные лжепроповѣдниковъ, становилась прозрачной.

Та же толпа, которая рукоплескала смертному приговору надъ борцами за истину, черезъ сто лѣтъ воздвигала имъ памятники.

Но черные монахи оставались въ прежнемъ забвеніи: они закрывали глаза передъ дѣйствительностью.

Старые письма стирались съ пергамента, а монахи, не заглядывая въ книгу жизни, писали на нихъ слова, то, что уже было погребено въ хаосъ прошлаго.

Лжепроповѣдники не переставали бичевать истину.

Народъ оставляя позади себя развалины старины, строилъ новый алтарь для своего бога.

Дышущіе запятаннымъ разумомъ своихъ предковъ черные монахи оставались прежними инквизиторами. Они такъ же, какъ ихъ лживые учителя, на грязныхъ клочкахъ бумаги писали индугенціи.

Въ народѣ іезуиты теряли союзниковъ. Гнѣзда черныхъ монаховъ были разбросаны вездѣ. Имъ нужно было сохранить мѣсто у алтаря, чтобы не выродиться, и они открыто перешли на сторону тѣхъ, въ чьихъ рукахъ было оружіе. Они душою и тѣломъ отдались барабанщикамъ и ружейнымъ мастерамъ.

Черная клика продана тѣмъ, кто вырывалъ изъ семей юношей, что ихъ руками защищать тотъ произволъ, которымъ они наводняли свою страну. Такихъ юношей передъ евангеліемъ, передъ той святой книгой, которая устами Христа велитъ возлюбить ближняго, какъ самого себя, учить кротости и смиренію, лженаставники заставляли клястись въ томъ, что они должны съ оружіемъ въ рукахъ защищать отечество отъ внутренняго врага.

Внутреннимъ врагомъ эти фарисеи и книжники называли тѣхъ, кто поднималъ яркое знамя правды, кто повторялъ сказанныя Христомъ слова, *суть которыхъ равенство и братство.*

Лжепастыри, какъ прежде, истинныя слова писанія мѣняли на тульлены. Со временъ сѣдой старины вплоть до послѣднихъ дней въ головы этихъ искариотовъ ни разу не заглядывала истина.

Монашеская схи́ма, какъ прежде, такъ и теперь была ризой не-
вѣжества.

Подъ черной одеждой іезуитовъ бился пульсъ всѣхъ пороковъ.

* * *

Нѣсколько уже поколѣній сомкнули очи, но ложь въ черномъ саванѣ блуждаетъ по землѣ, ищетъ святую правду и царапаетъ ее своими грязными когтями.

Воскресають ужасы сѣдой старины, воскресають пытки, воскресають въ выродившемся инквизиторѣ звѣрь, жаждущій крови.

Запахомъ крови напоенъ воздухъ.

Гробами люди украшиваютъ свси жилища.

Могильными курганами богатѣетъ земля.

Площади дѣтскихъ игрищъ стали кладбищами.

Волки уже не воютъ голодные около овчарни: они обжираются человѣческими трупамъ.

Кто это стоитъ вонъ тамъ, опершись мускулистой рукой—палача на стальной жезлъ?..

Кто онъ, въ черную одежду кутающій свое тѣло? Зачѣмъ онъ не смотритъ прямо въ глаза тѣмъ, кто окружаетъ его?

Какая ужасная мысль сверлитъ его черепъ?

Что онъ говоритъ? Чѣмъ дышетъ сердце этого страшнаго чело-
вѣка? Откуда онъ пришелъ сюда?

Зачѣмъ онъ съ такой жадностью говоритъ о смерти? Кого онъ приговариваетъ на гильотину? На что ему нужны висѣлицы?

Нѣтъ это, не чело-вѣкъ!—Это выходецъ съ того свѣта, это призракъ чернаго папы, творящаго свое заклинаніе.

А что та за книга, которую онъ придавилъ своими желѣзными перстами?

— Евангеліе...

Страшный сонъ!.. Когда наконецъ ты оставишь въ покоѣ боль-
ную душу?!

Гражданинъ.

Пословицы и поговорки.

Это все враки, что побили насъ макаки, а вотъ это такъ не враки, что насъ бьютъ бездѣ казаки.

Коль лѣзешь на баррикады— не проси пощады.

Нашего кадета пѣсенка спѣта.

Вотъ настанетъ осень— всѣхъ на судъ попросимъ.

Доброму вогу и броненосецъ впо-ру.

Не всякій хулиганъ лѣзетъ въ карманъ; иной и въ душу.

На усиленной охра-вѣ—револьверъ держи въ карманѣ.

Премьеру, вѣрь, да смотри на дверь: бѣтъ-ли жандар-
мовъ.

Памяти Адмирала Чухнина.

Погибъ, сраженъ рукой матроса,
Свирѣпый, грозный адмиралъ,
Что безъ суда и безъ допроса
Людей и вѣшалъ и стрѣлялъ...
И вотъ къ престолу Бога славы
Должна душа его предстать;
Чтобъ за кровавыя расправы
Отчею Создателю отдать.
И вѣрно духъ его боязни
Теперь исполненъ безъ конца,
Что не избѣгнетъ страшнѣй казни
Предъ грознымъ онъ судомъ Твоемъ.

Демократка.

ТИХО.

Что там гудить несмолкая, как рой?
 Что там за выстрѣлы слышны вдали?
 Грозные звуки несутся: „Долой!“
 Волю намъ дайте, намъ дайте земли!
 Грзныя, страшныя крики надъ бездною,
 О, замолчите, довольно тѣхъ словъ!—
 Стоны угаснутъ въ пучинѣ надзвѣздной,
 Ихъ заглушить звонъ желѣзныхъ оковъ.
 Стоновъ не надо. Довольно рыданья,
 Молча идите впередъ,
 Молча фундаментъ изъ скалъ мірозданья
 Строй, угнетенный народъ.
 Молча... Довольно терзаній напрасныхъ,
 Ты одичалъ, изнемогъ,
 Молча колонны изъ камней прекрасныхъ
 Строй, нашъ истерзанный богъ...
 Тихо... Ты видѣлъ какъ кротъ неустанно,
 Рылъ катакомбы ходовъ,
 Молча иди, но трудись безпрестанно,
 Сладокъ плодъ горкихъ трудовъ.
 Чшш.. Пусть замолкнетъ разгнѣванный рой
 Пусть сладко дремлютъ вассалы земли,
 Строй, неустанно фундаментъ ты строй,
 Молча, отъ черной тревоги вдали.

II.

Изнуренные, больные,
 Кто они, и что они
 За постройки земляныя
 Тамъ возводить въ наши дни.
 То рабы, сыны печали
 Строять тамъ свободы храмъ,

То они, что вѣкъ страдали,
 Склепы строить господамъ.
 Какъ ихъ много въ эту пору,
 Въ часъ когда богатство спитъ,
 Безъ надсмотра, безъ призору,
 Надъ работою корпить.
 Какъ ихъ много, какъ суровы
 Въ лунномъ блескѣ лица ихъ,
 Каждый мигъ все крепнуть ковы
 Даръ для ихъ боговъ земныхъ.

III.

Они взойдутъ трудовъ тѣхъ смѣна,
 Какъ солнца лучъ, какъ свѣточъ, правды
 вѣчной,
 Воспрянетъ вновь свободная страна
 И часъ суда придетъ для жи безпечной.
 Въ тотъ мигъ страна какъ роза расцвѣтетъ
 И вновь замрутъ мучительныя стоны,
 И свергнуть вновь тирана долгій гнетъ,
 Родныхъ бойцовъ святыя легіоны,
 Не надо слезъ, не плачь моя страна,
 Трудись какъ кротъ спокойно и упорно,
 Едва взойдутъ трудовъ тѣхъ смѣна
 Какъ врагъ падетъ безмолвно и позорно.
 Довольно мукъ! Кровавый произволь

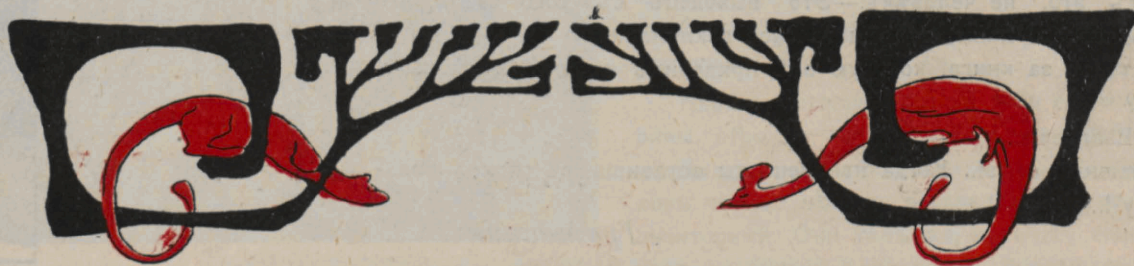
Падетъ съ врагомъ возставшаго народа!
 И вотъ тогда на новый твой престолъ
 Взойдетъ опять поправная Свобода.

Прохожій.

Колокола.

Звучать, гудять колокола
 И мощно грозное ихъ пѣнье...
 Гудять, зовутъ колокола
 На свѣтлый праздникъ возрожденья.
 О, города! О, города!
 Зачѣмъ стоите вы тѣнями?
 О, города! О, города!
 Зажгитесь красными огнями.
 Страхните гнета перегнутой,
 Долой оковы злой неволи
 И все впередъ и все за мной
 Идите къ новой, лучшей долѣ.
 О, города! О, города.
 Дружнѣй несите стягъ свой красный,
 Чтобъ васъ жестокая вражда
 Не поразила силой властной.
 Пусть рухнетъ сводъ тюремныхъ стѣнъ,
 Чертоги сытаго богатства
 И узники покинувъ плѣнь
 Сольются все подъ сѣнью братства
 О, города! О, города!
 Зачѣмъ молчить холодный камень,
 Пусть въ часъ великаго суда,
 Весь міръ охватитъ красный пламень.
 Дружнѣй впередъ на смертный бой,
 Подъ гулъ могучаго набата,
 Подъ звуки пѣсни боевой
 Впередъ! Дружнѣ брать за брата.
 Звучать, гудять колокола,
 Не молкнетъ грозное ихъ пѣнье,
 Полны ихъ звуки жаждой мщенья
 Пора послѣдняя пришла...
 Гудять, зовутъ колокола
 На свѣтлый праздникъ возрожденья.

А. Георгіевскій.

„П О Е Д И Н О К Ъ“

ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ ВЪ МОСКВѢ: КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРЕССА“, МЯСНИЦКАЯ, 36.

ЦѢНА ОТД. № 15 К., ВЪ ПРОВИНЦІИ 20 КОП.

Редакція: Спб., Дегтярный пер., д. 14. кв. 28.

Редакторъ принимаетъ: по Вторникамъ и Четвергамъ отъ 6 до 8 ч. веч.,
по воскреснымъ днямъ отъ 1 до 4 час. дня.

Издательница А. Д. Рысись.

Редакторъ В. М. Онгирскій.

Спб. Коммерческая Типо-Литографія Виленчикъ, Литейн. пр., 58.